

Владислав АРТЕМОВ

БЕРЕГИНЯ

Духи и существа потустороннего мира

В. АРТЕМОВ

ДУХИ И СУЩЕСТВА ПОТУСТОРОННЕГО МИРА

МОСКВА
ОЛМА Медиа Групп
2014

УДК 94 (367)
ББК 63.3 (2) 41
А 86

Артемов В.

А 86 Духи и существа потустороннего мира. — М. : ОЛМА Медиа Групп, 2014. — 64 с.: ил.

ISBN 978-5-373-05895-7

Демонология — совокупность представлений о низших мифических существах — едва ли не единственный раздел славянской мифологии, легкодоступный для изучения фольклористов и этнографов. Это связано с тем, что былинки и бывальщины — короткие рассказы о встречах с нечистой силой: Банником, Бабечником, Баганом, Берегиней, Домовым, Лешим и т. п. — составляют значительную часть славянского фольклора.

УДК 94 (367)
ББК 63.3 (2) 41

ISBN 978-5-373-05895-7

© В. Артемов, 2013
© ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», оформление,
издание, 2013

СЛАВЯНСКИЕ МИФИЧЕСКИЕ СУЩЕСТВА

Едва ли не единственным разделом славянской мифологии, легкодоступным для изучения, является демонология — совокупность представлений о низших мифологических существах. Сведения о них фольклористы и этнографы черпают из самых разных источников, прежде всего из собственных полевых записей бесед с носителями традиционной культуры и произведений особого фольклорного жанра — коротких рассказов, посвященных встречам с нечистой силой, случившимся с самим рассказчиком или кем-то третьим (в первом случае их называют былинками, во втором, когда речь о третьем лице, — бывальщинами).

Юлий Клевер. Оттепель

Нельзя отрицать, что славяне в конце языческого периода, подобно другим индоевропейским народам, поднялись с низшей ступени демонологии, связанной с магией, к высшим формам религии. Однако нам об этом известно очень мало. Мир духов и магия лежали в основе религиозного мировоззрения славян с древнейших времен и до конца языческого периода.

Приняв христианство в основном в IX и X веках, а кое-где еще позднее, славяне, естественно, сразу же «добрыми христианами» не стали. Древнеязыческие верования удерживались еще долго и упорно, так что церковь повсюду

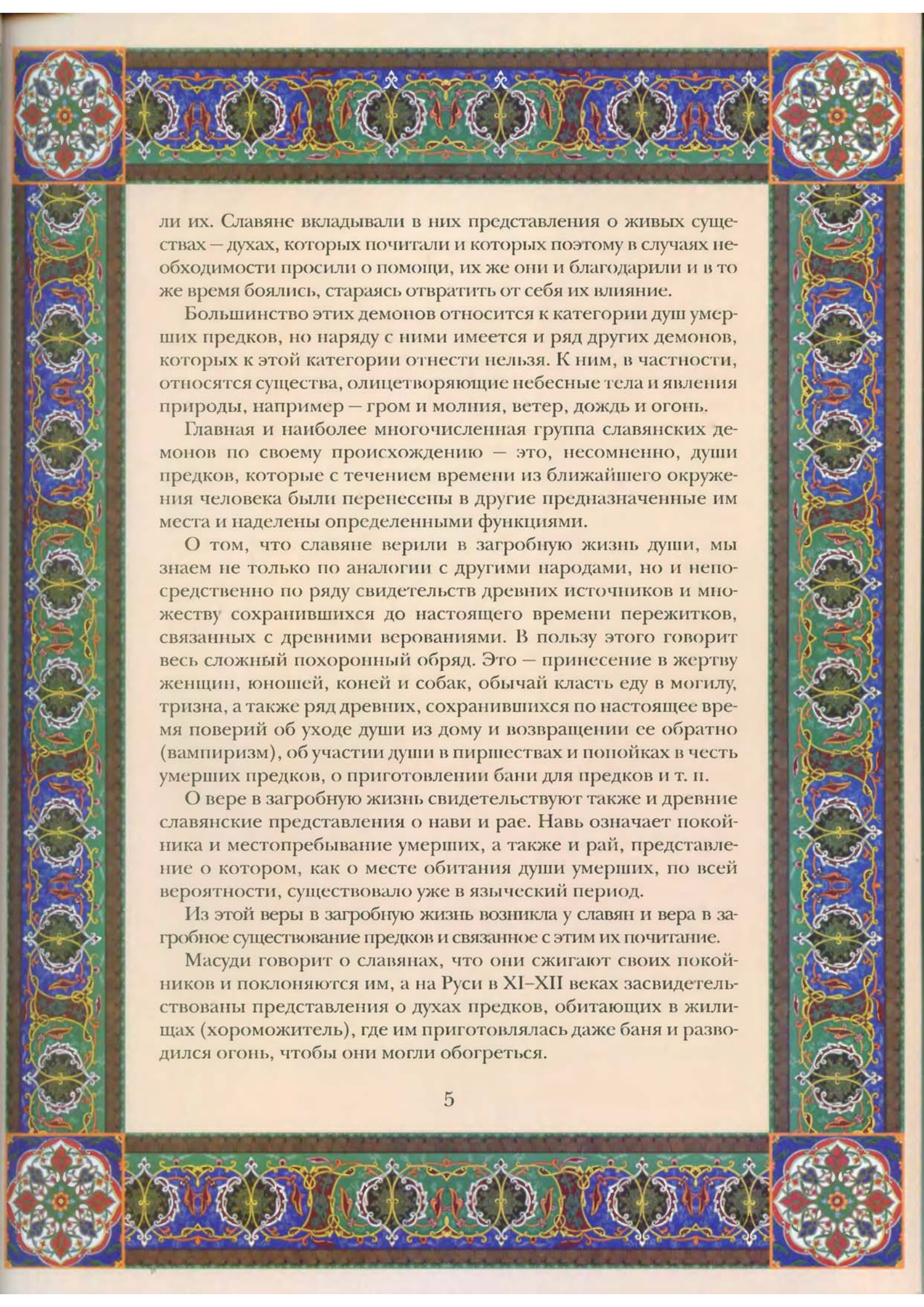

Георгиев Семирадский. Похороны знатного руса

вынуждена была бороться как с ними, так и вообще с тем, что на Руси называлось «двоеверием». Из этих источников мы можем узнать лучше всего, каким было язычество, его обряды и культы.

Исключительное значение для восстановления картины древней языческой религии имеет также славянский фольклор. Фольклорный материал дополняется упомянутыми выше источниками настолько весомо, что значительную часть современной славянской демонологии мы можем отнести к языческому периоду и дополнить ее древними источниками. Мы знаем, что и теперь народные верования остаются такими же, какими они были тысячу лет назад, а признав их общий древний характер, мы вправе и отдельные явления, случайно не нашедшие подтверждения в древнейших источниках, считать древними, языческими.

Славяне одухотворяли силы окружающей их природы. Все это, будь то деревья, источники или горы, они чтили не потому, что это были объекты мертвой природы, а потому, что одухотворя-

ли их. Славяне вкладывали в них представления о живых существах — духах, которых почитали и которых поэтому в случаях необходимости просили о помощи, их же они и благодарили и в то же время боялись, стараясь отвлечь от себя их влияние.

Большинство этих демонов относится к категории душ умерших предков, но наряду с ними имеется и ряд других демонов, которых к этой категории отнести нельзя. К ним, в частности, относятся существа, олицетворяющие небесные тела и явления природы, например — гром и молния, ветер, дождь и огонь.

Главная и наиболее многочисленная группа славянских демонов по своему происхождению — это, несомненно, души предков, которые с течением времени из ближайшего окружения человека были перенесены в другие предназначенные им места и наделены определенными функциями.

О том, что славяне верили в загробную жизнь души, мы знаем не только по аналогии с другими народами, но и непосредственно по ряду свидетельств древних источников и множеству сохранившихся до настоящего времени пережитков, связанных с древними верованиями. В пользу этого говорит весь сложный похоронный обряд. Это — принесение в жертву женщин, юношей, коней и собак, обычай класть еду в могилу, тризна, а также ряд древних, сохранившихся по настоящее время поверий об уходе души из дому и возвращении ее обратно (вампиризм), об участии души в пиршествах и попойках в честь умерших предков, о приготовлении бани для предков и т. п.

О вере в загробную жизнь свидетельствуют также и древние славянские представления о нави и рае. Навь означает покойника и местопребывание умерших, а также и рай, представление о котором, как о месте обитания души умерших, по всей вероятности, существовало уже в языческий период.

Из этой веры в загробную жизнь возникла у славян и вера в загробное существование предков и связанное с этим их почитание.

Масуди говорит о славянах, что они сжигают своих покойников и поклоняются им, а на Руси в XI–XII веках засвидетельствованы представления о духах предков, обитающих в жилищах (хороможитель), где им приготовлялась даже баня и разводился огонь, чтобы они могли обогреться.

На Руси засвидетельствованы также переплуты, берегини, вурдалаки и упыри, домовые, черти и т. д. Все это дополняется большим количеством более поздних данных славянского фольклора начиная с XIV века и кончая XX веком о множестве мелких домашних и распространенных в природе духов-демонов, многочисленные имена и существование которых с древних времен хотя и не всегда засвидетельствовано, но которых мы все же можем смело допустить, так как они всегда являются лишь выражением дохристианского, языческого культа душ умерших предков.

Среди этих мелких духов-демонов, которые обитали то в доме у очага или под порогом, то в лесу, в воде или в зерне, в древнее время, несомненно, существовали дед и баба, а кроме них, непосредственно засвидетельствованы также див, хороожитель, домовый, леший, мора, вурдалак, упырь, злыдень, дракон, полудница, чертенок, а также домовая змея, называвшаяся в России и Польше убоже.

Чаще всего, уже с XI века, появляются берегини с переплутом, а затем русалки и вилы. Наряду с вилами в природе имеется еще ряд подобных существ: всевозможные «дикие мужчины» и «дикие женщины», обитающие в лесах, у дорог, в зерне, в воде, ветре, пламени, появляющиеся в определенное время дня (например, в полдень или вечером) и в соответствии с этим носящие различные названия.

Трудно сказать, насколько все они являются непосредственной персонификацией душ умерших предков или же персонификацией сил природы. Существа, олицетворявшие у древних славян атмосферные явления: солнце, месяц, звезды, а также ветер, молнию и гром, можно считать скорее непосредственной персонификацией сил, в них заключавшихся и воздействовавших на человека.

*Николай Пимоненко. Брод.
Фрагмент*

Распространено было также и почитание зверей, но известий об этом очень мало. Мы знаем лишь, что много поверий было связано с петухом и курицей (причем эти поверья свои магические функции во многом сохранили по сегодняшней день) и что у балтийских славян главным богам Святовиту в Арконе и Сварожичу в Ретре были посвящены кони, которые сопровождали оракула.

О почитании быка как символа плодородной силы можно лишь догадываться.

О тотемизме у славян, то есть о почитании славянами в качестве тотема определенных зверей, достоверных известий не имеется. Интересно, однако, что несколько древних славянских племен имело наименования, производимые от названий животных, и что во многих местностях почитался предок рода в образе змеи, жившей под порогом жилища или под очагом.

Алконост

Алконост — в русском искусстве и легендах райская птица с головой девы. Часто упоминается и изображается вместе с другой райской птицей Сири́н.

Иван Билибин. Алконост

Образ Алконоста восходит к греческому мифу о девушке Алкионе, превращенной богами в зимородка. Название и образ ее, впервые появившиеся в переводных памятниках, являются результатом недоразумения: вероятно, при переписывании «Шестоднева» Иоанна Болгарского, где речь идет о зимородке — алкионе, слова славянского текста «алкионъ есть птица морская» превратилось в «алконостъ».

Самое раннее изображение Алконоста встречается в книжной миниатюре XII века. Легенды повествуют, что Алконост несет яйца в морскую глубину посреди зимы. При этом

яйца 7 дней лежат в глубине, а затем всплывают на поверхность. На протяжении этого времени на море наблюдается штиль. Затем Алконост забирает яйца и высиживает их на берегу. На голове Алконоста обычно изображается корона.

На русских лубочных картинах Алконоста изображают с женской грудью и руками, в одной из которых она держит райский цветок или развернутый свиток с изречением о воздаянии в раю за праведную жизнь на земле.

Пение Алконоста настолько прекрасно, что услышавший его забывает обо всем на свете. Существует подпись под одной из лубочных картинок с ее изображением: «Алконост близ рая пребывает, иногда и на Евфратреке бывает. Когда в пении глас испуцает, тогда и самое себя не ощущает. А кто вблизи тогда будет, тот все на свете забудет: тогда ум от него отходит, и душа из тела выходит».

Легенда о птице Алконост перекликается с легендой о птице Сирин.

В качестве места обитания Алконоста иногда называется река Евфрат, иногда — остров Буян, иногда просто славянский рай — Ирий.

Анчутка

Анчутка — в восточнославянской мифологии злой дух, одно из самых древних названий беса, русский вариант чертенка. По Толковому словарю живого великорусского языка В. И. Даля, анчутки — чертенята.

Анчутка представляется беспятым либо беспальным, что обычно характеризует нечистую силу. Существует сказ о том, что беспялый анчутка потому, что «однажды волк погнался за ним и откусил ему пятку».

Алконост

Николай Неврев. Пряха

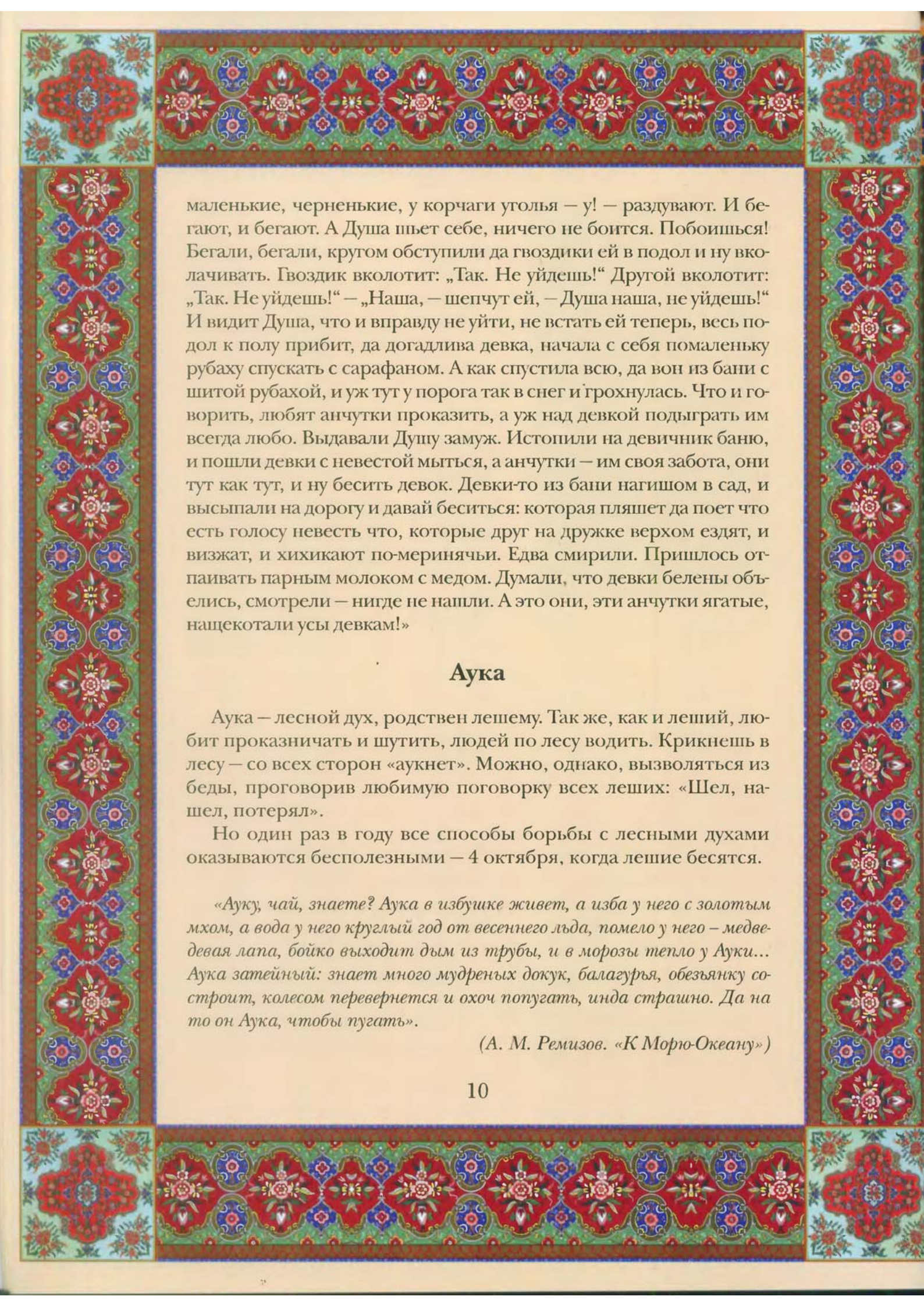
Анчутки бывают банные и полевые. По легенде, они, как и всякая нечисть, мгновенно отзываются на упоминание своего имени. Поэтому считается, что лучше о них помалкивать, «не то сей беспятый, беспальный будет тут как тут».

Баные анчутки по легенде «мохнатые, лысые, пугают людей стопами, помрачают их разум, хорошо умеют изменять свой облик». Полевые — «росточком совсем крохотные и более мирные». Считается, что они живут в каждом растении и зовутся сообразно своему обиталищу: картофельники, конопельники, ленники, овсяники, пшеничники, рожники и т. д.

Также считается, что в воде тоже есть свой анчутка — помощник водяного или болотника. Легенда наделяет его необычайно свирепым нравом, кроме того, он представляется еще и противным.

По примете, если у пловца вдруг случится судорога, он должен знать, что это водяной анчутка схватил его за ногу и хочет утащить на дно. Оттого-то еще с древних времен «всякому пловцу советуют иметь при себе булабочку: ведь нечистая сила до смерти боится железа».

А. М. Ремизов писал: «Всякой бане есть свой баенник. Не поладишь — кричит по-павлиньи. У баенника есть дети — банные анчутки: сами маленькие, черненькие, мохнатенькие, ноги ежиные, а голова гола, что у татарчонка, а женятся они на кикиморах, и такие же сами проказы, что твои кикиморы. Душа, девка бесстрашная, пошла ночью в баню. „Я, — говорит, — в бане за ночь рубашку сошью и назад ворочусь“. В бане поставила она углей корчагу, а то шить ей не видно. Наскоро сметывает рубашку, от огоньков ей видно. К полуночи близко анчутки и вышли. Смотрит. А они

маленькие, черненькие, у корчаги уголья — у! — раздувают. И бегают, и бегают. А Душа пьет себе, ничего не боится. Побоишься! Бежали, бежали, кругом обступили да гвоздики ей в подол и ну вколачивать. Гвоздик вколотит: „Так. Не уйдешь!“ Другой вколотит: „Так. Не уйдешь!“ — „Наша, — шепчут ей, — Душа наша, не уйдешь!“ И видит Душа, что и вправду не уйти, не встать ей теперь, весь подол к полу прибит, да догадлива девка, начала с себя помаленьку рубаху спускать с сарафаном. А как спустила всю, да вон из бани с шитой рубахой, и уж тут у порога так в снег и грохнулась. Что и говорить, любят анчутки проказить, а уж над девкой подыграть им всегда любо. Выдавали Душу замуж. Истопили на девичник баню, и пошли девки с невестой мыться, а анчутки — им своя забота, они тут как тут, и ну бесить девок. Девки-то из бани нагишом в сад, и высыпали на дорогу и давай беситься: которая пляшет да поет что есть голосу невесть что, которые друг на дружке верхом ездят, и визжат, и хихикают по-меринячьи. Едва смирили. Пришлось отпаивать парным молоком с медом. Думали, что девки белены объелись, смотрели — нигде не нашли. А это они, эти анчутки ягатые, нащекотали усы девкам!»

Аука

Аука — лесной дух, родствен лешему. Так же, как и леший, любит проказничать и шутить, людей по лесу водить. Крикнешь в лесу — со всех сторон «аукнет». Можно, однако, вызволяться из беды, проговорив любимую поговорку всех леших: «Шел, нашел, потерял».

Но один раз в году все способы борьбы с лесными духами оказываются бесполезными — 4 октября, когда лешие бесятся.

«Ауку, чай, знаете? Аука в избушке живет, а изба у него с золотым мхом, а вода у него круглый год от весеннего льда, помело у него — медведя лапа, бойко выходит дым из трубы, и в морозы тепло у Ауки... Аука затейный: знает много мудреных докук, балагурья, обезьянку соорудит, колесом перевернется и охоч поугатать, инда страшно. Да на то он Аука, чтобы пугать».

(А. М. Ремизов. «К Морю-Океану»)

Баба-Яга

Баба — прародительница. Изначально положительное божество славянского пантеона, хранительница (если надо — воинственная) рода и традиций. В период христианства всем языческим богам, в том числе и оберегавшим людей (берегиням), придавались злые, демонические черты, уродливость внешнего вида и характера. Не избежали этого Баба-Яга, русалки, лешие и т. д.

Баба-Яга — старуха-чародейка, наделенная магической силой, ведунья, оборотень. По своим свойствам ближе всего к ведьме. Чаще всего — отрицательный персонаж.

Баба-Яга обладает несколькими устойчивыми атрибутами: она умеет колдовать, летать в ступе, живет в лесу, в избушке на курьих ножках, окруженной забором из человеческих костей с черепами.

Она заманивает к себе добрых молодцев и маленьких детей и зажаривает их в печи. Своих жертв она преследует в ступе, погоняя ее пестом и заметая след помелом (метлой).

Выделяются три вида Бабы-Яги: дарительница (она дарит герою сказочного коня либо волшебный предмет), похитительница детей, Баба-Яга-воительница, сражаясь с которой «не на жизнь, а на смерть», герой сказки переходит к иному уровню зрелости.

Образ Бабы-Яги связан с легендами о переходе героя в потусторонний мир (Тридевятое царство). В этих легендах Баба-Яга, стоящая на границе миров (костьяная нога), служит проводником, позволяющим герою проникнуть в мир мертвых, благодаря совершению определенных ритуалов.

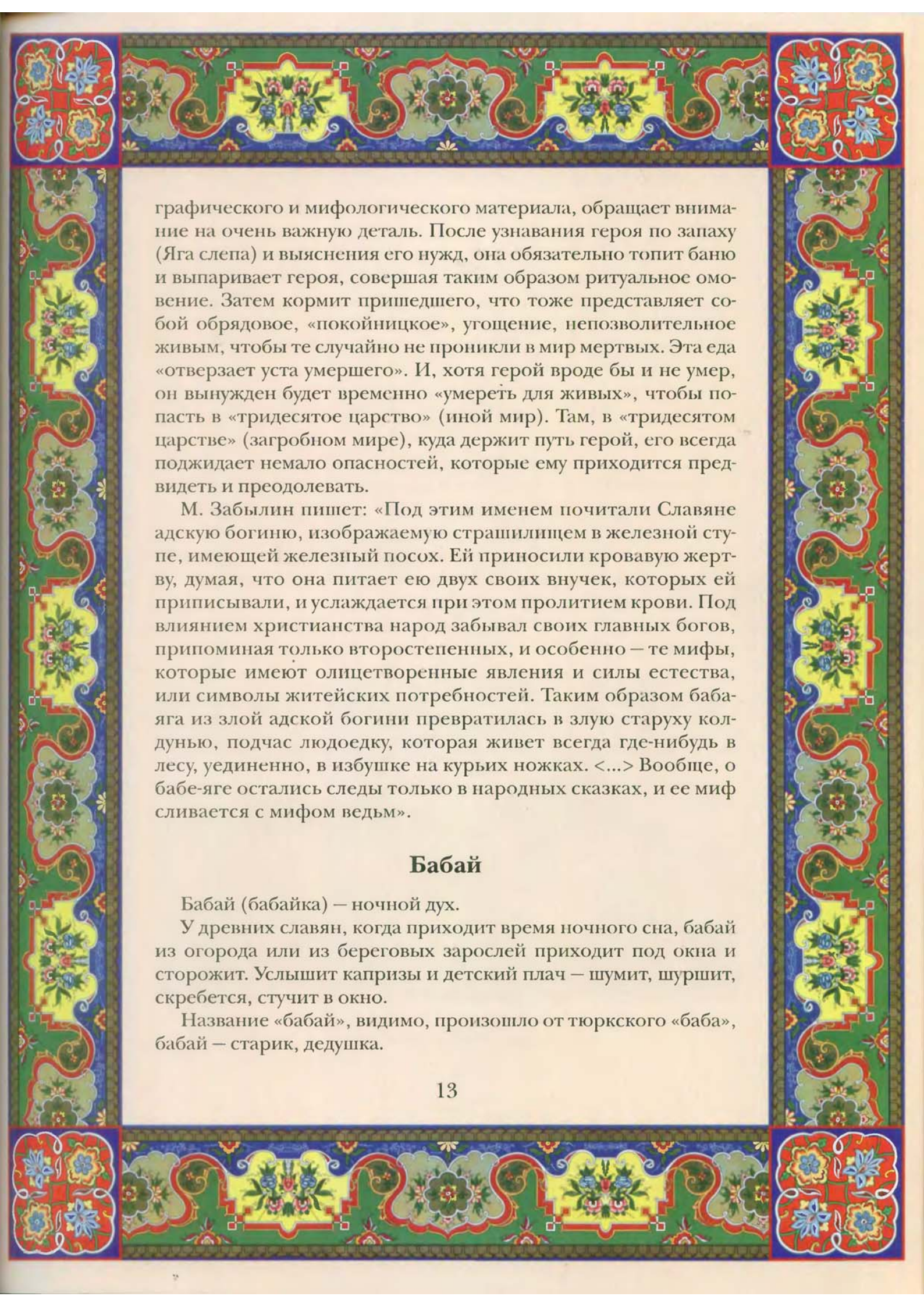

*Виктор Васнецов.
Баба-Яга*

Благодаря текстам сказок можно реконструировать и обрядовый, сакральный смысл действий героя, попадающего к Бабе-Яге. В частности, В. Я. Пропп, исследовавший образ Бабы-Яги на основе массы этно-

Иван Билибин. Баба-Яга

графического и мифологического материала, обращает внимание на очень важную деталь. После узнавания героя по запаху (Яга слепа) и выяснения его нужд, она обязательно топит баню и выпаривает героя, совершая таким образом ритуальное омовение. Затем кормит пришедшего, что тоже представляет собой обрядовое, «покойническое», угощение, непозволительное живым, чтобы те случайно не проникли в мир мертвых. Эта еда «отверзает уста умершего». И, хотя герой вроде бы и не умер, он вынужден будет временно «умереть для живых», чтобы попасть в «тридцатое царство» (иной мир). Там, в «тридцатом царстве» (загробном мире), куда держит путь героиня, его всегда поджидает немало опасностей, которые ему приходится предвидеть и преодолевать.

М. Забылин пишет: «Под этим именем почитали Славяне адскую богиню, изображаемую страшилищем в железной ступе, имеющей железный посох. Ей приносили кровавую жертву, думая, что она питает ею двух своих внучек, которых ей приписывали, и услаждается при этом пролитием крови. Под влиянием христианства народ забывал своих главных богов, припоминая только второстепенных, и особенно — те мифы, которые имеют олицетворенные явления и силы естества, или символы житейских потребностей. Таким образом баба-яга из злой адской богини превратилась в злую старуху колдунью, подчас людоедку, которая живет всегда где-нибудь в лесу, уединенно, в избушке на курьих ножках. <...> Вообще, о баба-яге остались следы только в народных сказках, и ее миф сливается с мифом ведьм».

Бабай

Бабай (бабайка) — ночной дух.

У древних славян, когда приходит время ночного сна, бабай из огорода или из береговых зарослей приходит под окна и сторожит. Услышит капризы и детский плач — шумит, шуршит, скребется, стучит в окно.

Название «бабай», видимо, произошло от тюркского «баба», бабай — старик, дедушка.

Этим словом (возможно, и в напоминание о татаро-монгольском иге) обозначается нечто таинственное, не вполне определенного облика, нежелательное и опасное.

В поверьях северных районов России бабай — страшный кривобокий старик. Он бродит по улицам с палкой. Встреча с ним опасна, особенно для детей.

Схожий персонаж присутствует и в древнеегипетской мифологии: Бабай — демон мрака.

Баган

Баган — дух-покровитель рогатого скота, охраняющий его от болезненных припадков и умножающий приплод, а в случае гнева своего творит Баган самок бесплодными или убивает ягнят и телят при самом их рождении.

Белорусы отделяют для него в коровьих и овечьих хлевах особое место и устраивают маленькие ясли, наполненные сеном: здесь-то и поселяется баган.

Сеном из его яслей они кормят отелившуюся корову, как целебным лекарством.

Сергей Виноградов. Осень

Баечник

Баечник (перебаечник) — злой домашний дух. Появляется баечник после рассказанных на ночь страшных историй о всякой нечисти.

Ходит босым, чтобы не слышно было, как он стоит над человеком с протянутыми над головой руками (хочет узнать, страшно или нет). Будет водить руками до тех пор, пока рассказанное не приснится, и человек не проснется в холодном поту. Если в это время зажечь лучину, то можно увидеть убегающие тени, это — он, баечник. В отличие от домового, с баечником лучше не заговаривать, иначе можно опасно заболеть.

В доме обычно их четыре-пять. Самый страшный — усатый перебаечник, у него усы заменяют руки.

Защититься от перебаечника можно старинным заклятием, но оно, к сожалению, давно забыто.

Банник

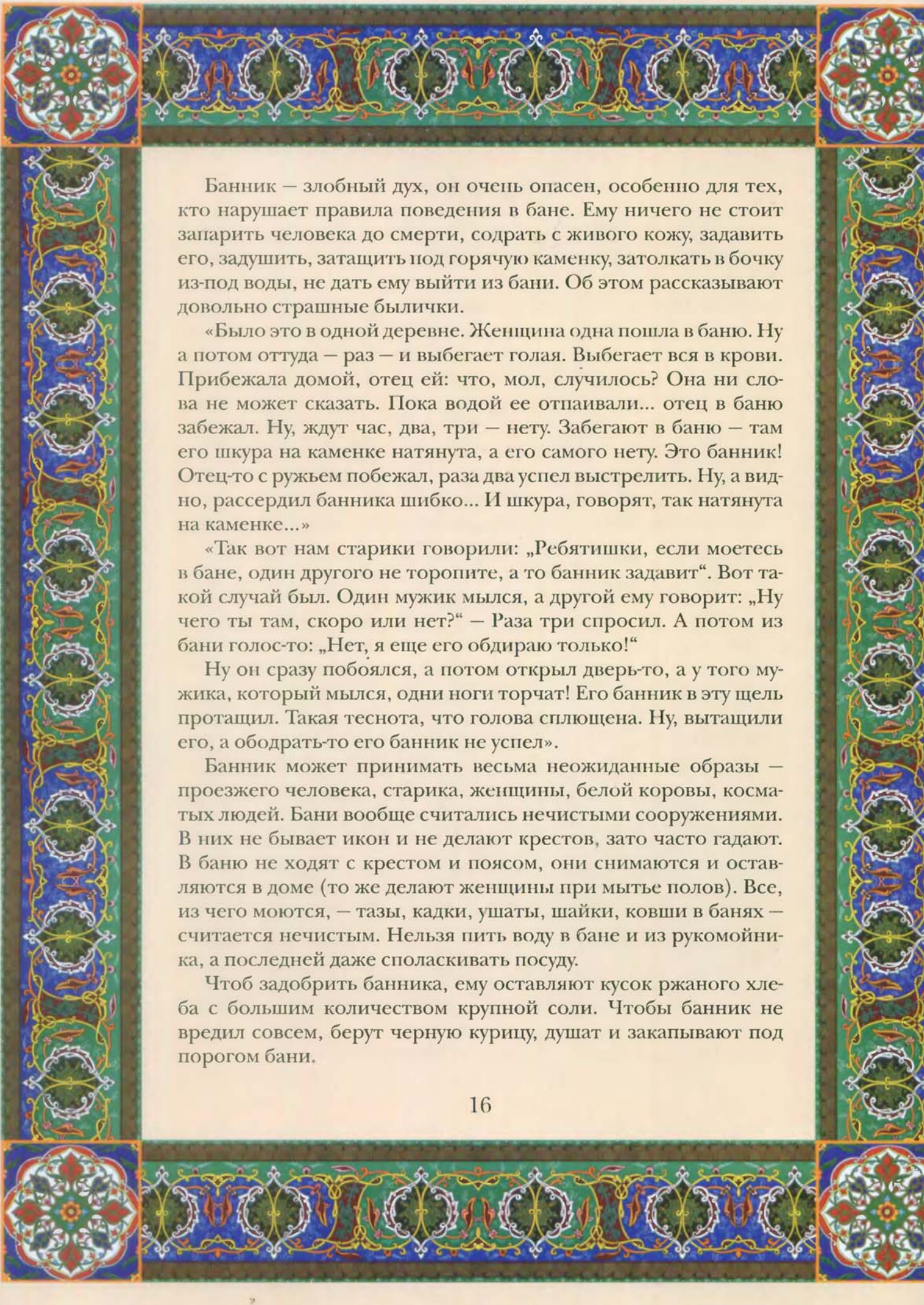
Банник — дух, живущий в бане, в поверьях восточных славян, пугающий людей и требующий жертв, которые ему надо оставлять в бане после мытья. Часто банника представляют в виде маленького, но очень сильного старика с лохматым телом.

Иван Билибин. Банник

В других местах банника представляли черным здоровенным мужиком, всегда босым, с железными руками, длинными волосами и огненными глазами. Живет он в бане за печкой или под полком. Однако некоторые поверья рисуют банника в виде собаки, кошки, белого зайчика и даже конской головы.

Любимое занятие банника — обжигать людей кипятком, кидаться камнями в печи-каменке, а также стучать в стену, пугая парящихся.

Банник — злобный дух, он очень опасен, особенно для тех, кто нарушает правила поведения в бане. Ему ничего не стоит запарить человека до смерти, содрать с живого кожу, задавить его, задушить, затащить под горячую каменку, затолкать в бочку из-под воды, не дать ему выйти из бани. Об этом рассказывают довольно страшные былички.

«Было это в одной деревне. Женщина одна пошла в баню. Ну а потом оттуда — раз — и выбегает голая. Выбегает вся в крови. Прибежала домой, отец ей: что, мол, случилось? Она ни слова не может сказать. Пока водой ее отпаивали... отец в баню забежал. Ну, ждут час, два, три — нету. Забегают в баню — там его шкура на каменке натянута, а его самого нету. Это банник! Отец-то с ружьем побежал, раза два успел выстрелить. Ну, а видно, рассердил банника шибко... И шкура, говорят, так натянута на каменке...»

«Так вот нам старики говорили: „Ребятишки, если моетесь в бане, один другого не торопите, а то банник задавит“. Вот такой случай был. Один мужик мылся, а другой ему говорит: „Ну чего ты там, скоро или нет?“ — Раза три спросил. А потом из бани голос-то: „Нет, я еще его обдираю только!“

Ну он сразу побоялся, а потом открыл дверь-то, а у того мужика, который мылся, одни ноги торчат! Его банник в эту щель протасил. Такая теснота, что голова сплющена. Ну, вытащили его, а ободрать-то его банник не успел».

Банник может принимать весьма неожиданные образы — проезжего человека, старика, женщины, белой коровы, косматых людей. Бани вообще считались нечистыми сооружениями. В них не бывает икон и не делают крестов, зато часто гадают. В баню не ходят с крестом и поясом, они снимаются и оставляются в доме (то же делают женщины при мытье полов). Все, из чего моются, — тазы, кадки, ушаты, шайки, ковши в банях — считается нечистым. Нельзя пить воду в бане и из рукомойника, а последней даже споласкивать посуду.

Чтоб задобрить банника, ему оставляют кусок ржаного хлеба с большим количеством крупной соли. Чтобы банник не вредил совсем, берут черную курицу, душат и закапывают под порогом бани.

*Константин Маковский.
Святочные гадания*

Банника в женском обличе называют банниха, байница, баенная матушка, обдериха. Обдериха — лохматая, страшная старуха. Может также показываться голой или в виде кошки. Живет под полком.

Другой вариант женщины-банника — Шишига. Это демоническое существо, которое прикидывается знакомой, а заманив в баню попариться, может запарить до смерти. Шишига показывается тем, кто идет в баню с плохими намерениями, без молитвы.

Банник участвует в святочных гаданиях. В полночь девушки подходят к открытым дверям бани, задрав юбку. Если банник коснется мохнатой рукой — у девушки будет богатый жених, если голой — бедный, а если мокрой — пьяница.

Любая нечисть очень боится железа, и банник не исключение.

Белые жены и девы

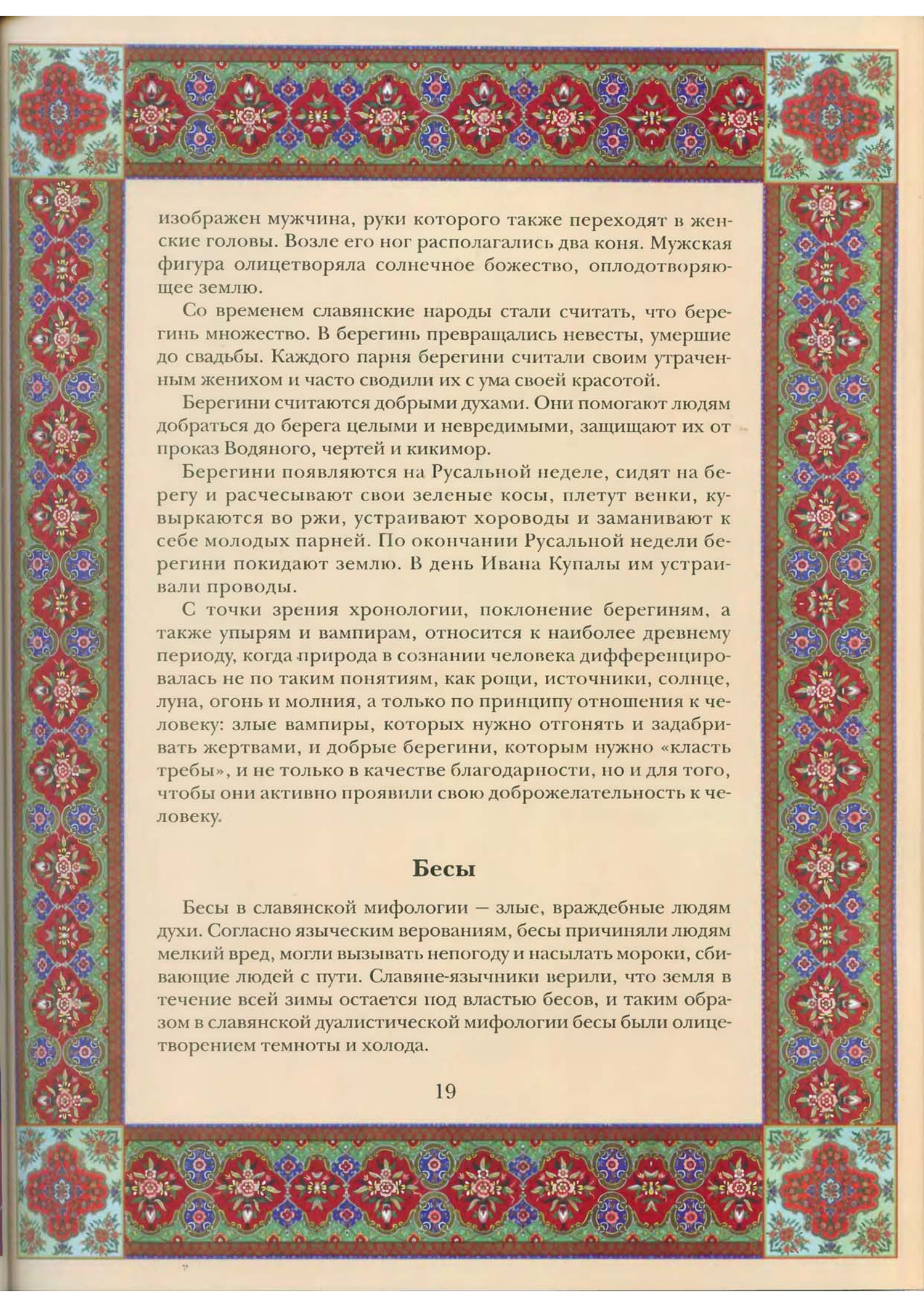
Белые жены и девы — прекрасные нимфы вод (т. е. дождевых источников), являясь в летнюю пору в легких, белоснежных облачных тканях, озаренных яркими лучами солнца, в зимние месяцы они одеваются в черные, траурные покровы и подвергаются злему очарованию. Они осуждены пребывать в заколдованных (захваченных нечистой силою) или подземных замках, в недрах гор и в глубоких источниках, оберегают сокрытые там клады — несчетные богатства в золоте и драгоценных камнях, и нетерпеливо ждут своего избавителя. На избавителя накладывается тяжелое испытание: он должен держать деву за руку и хранить строгое молчание, не утрушаясь дьявольских видений, поцелуем своим он уничтожает влияние колдовства. В известные дни года жены и девы эти показываются невдалеке от своих жилищ очам смертных, преимущественно невинным детям и бедным пастухам, показываются они обыкновенно весною, когда цветут майские цветы, в такое время, с которым соединяется мысль о грядущем или уже наступившем пробуждении природы от зимнего сна.

Берегиня

Берегини — хранительницы рек, водоемов, духи, имеющие отношение к воде.

Первоначальное имя Великой Богини теряется в глубинах тысячелетий. Есть много свидетельств того, что в древности Великая Богиня называлась Берегиней, а слово «берегиня» означало «земля». Таким образом, Богиня Земли, которая в вышивках часто заменяется изображением Березы, называлась Берегиней, т. е. Землей. У восточных славян ее еще называли Житной Бабой, Рожаницей, Землей, Ладой, Славой.

На широко известной киевской фибуле (металлической застежке для одежды) изображена Великая Богиня в широкой юбке, с руками, переходящими в головы коней. Перед нами и богиня, и представители солнечного светила (кони и солнечные диски — его символы). Рядом с женской фигуркой

изображен мужчина, руки которого также переходят в женские головы. Возле его ног располагались два коня. Мужская фигура олицетворяла солнечное божество, оплодотворяющее землю.

Со временем славянские народы стали считать, что берегинь множество. В берегинь превращались невесты, умершие до свадьбы. Каждого парня берегини считали своим утраченным женихом и часто сводили их с ума своей красотой.

Берегини считаются добрыми духами. Они помогают людям добраться до берега целыми и невредимыми, защищают их от проказ Водяного, чертей и кикимор.

Берегини появляются на Русальной неделе, сидят на берегу и расчесывают свои зеленые косы, плетут венки, кувыркаются во ржи, устраивают хороводы и заманивают к себе молодых парней. По окончании Русальной недели берегини покидают землю. В день Ивана Купалы им устраивали проводы.

С точки зрения хронологии, поклонение берегиням, а также упырям и вампирам, относится к наиболее древнему периоду, когда природа в сознании человека дифференцировалась не по таким понятиям, как рожи, источники, солнце, луна, огонь и молния, а только по принципу отношения к человеку: злые вампиры, которых нужно отгонять и задабривать жертвами, и добрые берегини, которым нужно «класть требы», и не только в качестве благодарности, но и для того, чтобы они активно проявили свою доброжелательность к человеку.

Бесы

Бесы в славянской мифологии – злые, враждебные людям духи. Согласно языческим верованиям, бесы причиняли людям мелкий вред, могли вызывать непогоду и насылать мороки, сбивающие людей с пути. Славяне-язычники верили, что земля в течение всей зимы остается под властью бесов, и таким образом в славянской дуалистической мифологии бесы были олицетворением темноты и холода.

Боли-бошка

Боли-бошка — лесной дух, который живет в ягодных местах. Это дух лукавый и хитрый.

Появляется он перед человеком в виде бедного, немощного старичка и просит помочь отыскать ему потерянную сумку. Поддаваться на его просьбы нельзя — начнешь о потере думать, разболится голова, будешь долго по лесу блуждать.

«Тише! Вот и сам Боли-бошка! — почувял, подходит: набедит, рожон! Весь измоздельй, карла, квелый, как пальый лист, птичья губа — Боли-бошка, — востренький носик, сам фукастый, а глаза будто печальные, хитрые-хитрые».

(А.М. Ремизов. «К Морю-Океану»)

Болотник

Болотник (болотный, болотняк, болотяник, болотный дедко, шут болотный) — хозяин болота.

Считалось, что болотник — неподвижно сидящее на дне болота существо, покрытое грязью и водорослями, улитками и рыбьей чешуей. По другим преданиям, это человек с длинными руками и закрученным хвостом, поросший шерстью. Иногда он притворяется стариком и ходит по берегу болота.

Болотник живет в болоте с женой — болотницей. До пояса она выглядит красивой девушкой, но вместо ног у нее гусиные лапы, покрытые черным пухом. Болотница сидит в большой кувшинке, чтобы скрыть эти лапы, и горько плачет. Если человек подойдет утешить ее, болотница набросится и утопит в болоте.

Согласно поверьям, болотник заманивает людей в трясину стонами, хохотом или ревом, а потом топит их, затягивая за ноги на дно.

Федор Васильев. Деревня

«Вот, ты счастливый заснул, а твой Ведогонь вышел мышью, бродит по свету. И куда-куда не заходит, на какие горы, на какие звезды! Погуляет, всего наглядится, вернется к тебе. И ты встанешь утром счастливый после такого сна: сказочник сказку сложит, песенник песню сплет. Это все Ведогонь тебе насказал и напел – и сказку и песню».

(А. М. Ремизов. «К Морю-Океану»)

Ведьма

В славянской мифологии ведьмы — это колдуньи, вступившие в союз с дьяволом или другой нечистой силой ради обретения сверхъестественных способностей. В разных славянских странах ведьмам придавалось разное обличье. На Руси ведьмы представлялись в виде старух с растрепанными седыми космами, костлявыми руками, огромными синими носами.

Деревенским ведьмам-ворожеям крестьянские девушки поверяли свои тайны, а те предлагали им свои услуги.

Одна девушка, служившая у богатого купца, жаловалась: «Обещал взять замуж, да обманул». «А ты принеси мне только лоскут от его рубахи. Я отдам церковному сторожу, чтобы он навязал веревку на этот клоч, тогда купец не будет знать, куда деться от тоски», — таков был рецепт ведьмы. Другая девушка хотела выйти замуж за крестьянина, которому она не нравилась. «Достань мне чулки с его ног. Я отстираю их, наговорю воду ночью и дам тебе три зерна. Напой его той водой, брось под ноги зерна, когда будет ехать, и все исполнится».

Деревенские ворожеи были просто неистощимы в выдумках разнообразных рецептов, особенно в любовных делах. Здесь и таинственный талисман, который добывается из черной кошки или из лягушек. Из первой, разваренной до последней степени, получается «косточка-невидимка». Косточка равносильна сапогам-сороходам, ковру-самолету, суме-хлебосолке и шапке-невидимке. Из лягушки достают две «косточки-счастливики», с одинаковым успехом служащие и для приворотов, и для отворотов, т. е. вызывающие любовь или отвращение.

В Москве, по словам исследователей, в XVII столетии по разным сторонам жили бабы-ворожейки или колдуньи, к которым приезжали даже боярские жены просить помощи против ревности мужей и советоваться о своих любовных интригах и о средствах, как умерять чужой гнев или изводить недругов. В 1635 году одна «золотная» мастерица выронила во дворце платок, в котором был завернут корень. По этому случаю был назначен розыск. Мастерица на вопрос, где она взяла корень и зачем ходит с ним к государю, отвечала, что корень не лихой, а носит его с собою от «сердечной боли, что сердцем больна», жаловалась она одной женке, что до нее муж лих, и та дала ей корень обратим, а велела положить его на зеркало и смотреться в стекло: тогда муж будет к ней ласков, а в царском дворе она никого портить не хотела и с иными корешницами не знается. Подсудимую и ту женку, на которую она сослалась, сослали в дальние города.

Ведьмак

Ведьмак — персонаж славянской мифологии, обладающий колдовскими способностями. Многими ошибочно воспринимается тождественным ведьме, однако в отличие от последней может обладать и некоторыми положительными качествами.

По поверьям, ведьмак, как и ведьма, может быть прирожденным или наученным. У прирождённого нет волос, бороды, усов, присутствует маленький хвостик. Обученный — ничем не отличается от нормального человека.

Иногда упоминаются ведьмаки, которые лояльно относятся к людям: заговаривают болезни, лечат людей и животных, за-

Михаил Нестеров. За приворотным зельем

Сократ Воробьев. У старой мельницы

прещают ведьмам делать зло, защищают людей. Зачастую обладают скверным характером и используют свои способности для сведения счетов с недругами.

Ведьмак насквозь видит всех ведьм и колдунов в округе, управляет ведьмами, которые исповедуются перед ним в том вреде, который они причинили людям.

У ведьмака две души: человеческая и демоническая. Ночью, через отверстие под коленной чашечкой, под бедром или под копчиком, душа ведьмака может выходить из тела.

Ведьмаки собираются на перекрестках дорог, там танцуют, веселятся и любезничают друг с другом, а также летают на Лысую гору.

Ведьмак не теряет своей силы и после смерти: сражается на могилах с мертвецами, не пропуская их в село, и всегда побеждает.

Верлиока

Верлиока — мифологическое одноглазое существо высокого роста, голова которого обросла шерстью. Опирается при ходьбе на клюку (сродни Лиху одноглазому). Обитает в глухом лесу, разрушитель и истребитель всего живого. Встречается в русском, украинском и белорусском фольклоре.

По типичному сюжету сказки Верлиока убивает старуху и внучку, а старик, селезень, рак, веревочка и желудь наказывают его за убийство. После убийства злодея его жертвы воскресают.

Описание Верлиоки достаточно традиционно для сказки, говорится, что он «ростом высокий, об одном глазе, в плечах пол-аршина, на голове щетина, на клюку опирается, сам страшно ухмыляется».

Вечорка

Вечорка в восточнославянской мифологии — образ вечерней зари, сестры (или брата) утренней и полуденной зорь. В русских сказках и заговорах все три (или четыре, включая «полуночную») сестры-зари родились в одну ночь, Вечорка — с вечера. Отождествляется с Венерой — Вечерницей.

Вечерка, Зорька, Полуночка — три небесных богатыря, герои русских устных преданий и сказок, символизирующие основные мотивы суточного солнечного цикла: вечер, зарю и полночь. Главным среди них является Зорька. Он и побеждает драконов.

Вий

Вий — персонаж украинской демонологии, грозный старик с бровями и веками до самой земли. Имея огромные глаза с тяжелыми веками, Вий убивает своим взглядом.

Вий не может ничего видеть сам по себе, но если удастся нескольким силачам поднять ему брови и веки железными вилами, тогда ничего не может утаиться перед грозным его взором:

взглядом своим Вий убивает людей, разрушает и обращает в пепел города и деревни.

В одной из сказок встречается упоминание о том, что Кощею Бессмертному поднимают веки семью вилами.

«И вдруг настала тишина в церкви; послышалось вдали волчье завыванье, и скоро раздались тяжелые шаги, звучавшие по церкви; взглянув искоса, увидел он, что ведут какого-то приземистого, дюжего, козлапого человека. Весь был он в черной земле. Как жилистые, крепкие корни, выдавались его засыпанные землею ноги и руки. Тяжело ступал он, поминутно оступаясь. Длинные веки опущены были до самой земли. С ужасом заметил Хома, что лицо было на нем железное».

(Н. В. Гоголь «Вий»)

Вилы

Вилы — в южнославянской мифологии женские духи. Вилы представляются юными, прекрасными, бледнолицыми девами, в тонких белых одеждах и с длинными распущенными косами, в этих косах — их сила и даже самая жизнь, тело у них нежное, прозрачное, легкое, как у птицы, очи блистают подобно молнии, голос — приятный, сладкозвучный. Но беда человеку, который прельстится вилою! Ему опостылит весь мир и жизнь будет не в радость.

Ноги у них козьи, лошадиные или ослиные. Вилы закрывают их длинной белой одеждой. К людям, особенно к мужчинам, они относятся дружелюбно, помогают обиженным и сиротам. Если разгневать вил, они могут жестоко наказать, даже убить одним взглядом. Они могут лечить, предсказывать смерть, но и сами они не бессмертны.

Вилы могли летать как птицы, обитали в горах. Они владели колодцами и озерами, обладали способностями «запирать» воды.

Если отнять у них крылья, они теряют способность летать и становятся простыми женщинами. Этим нередко пользовались молодые мужчины. Они отбирали у вилы крылья, а затем брали в жены. Но такой брак никогда не заканчивался удачно. Рано или поздно вила обманом и хитростью выманивала свои кры-

Джулиано Бартоломео. Вилы

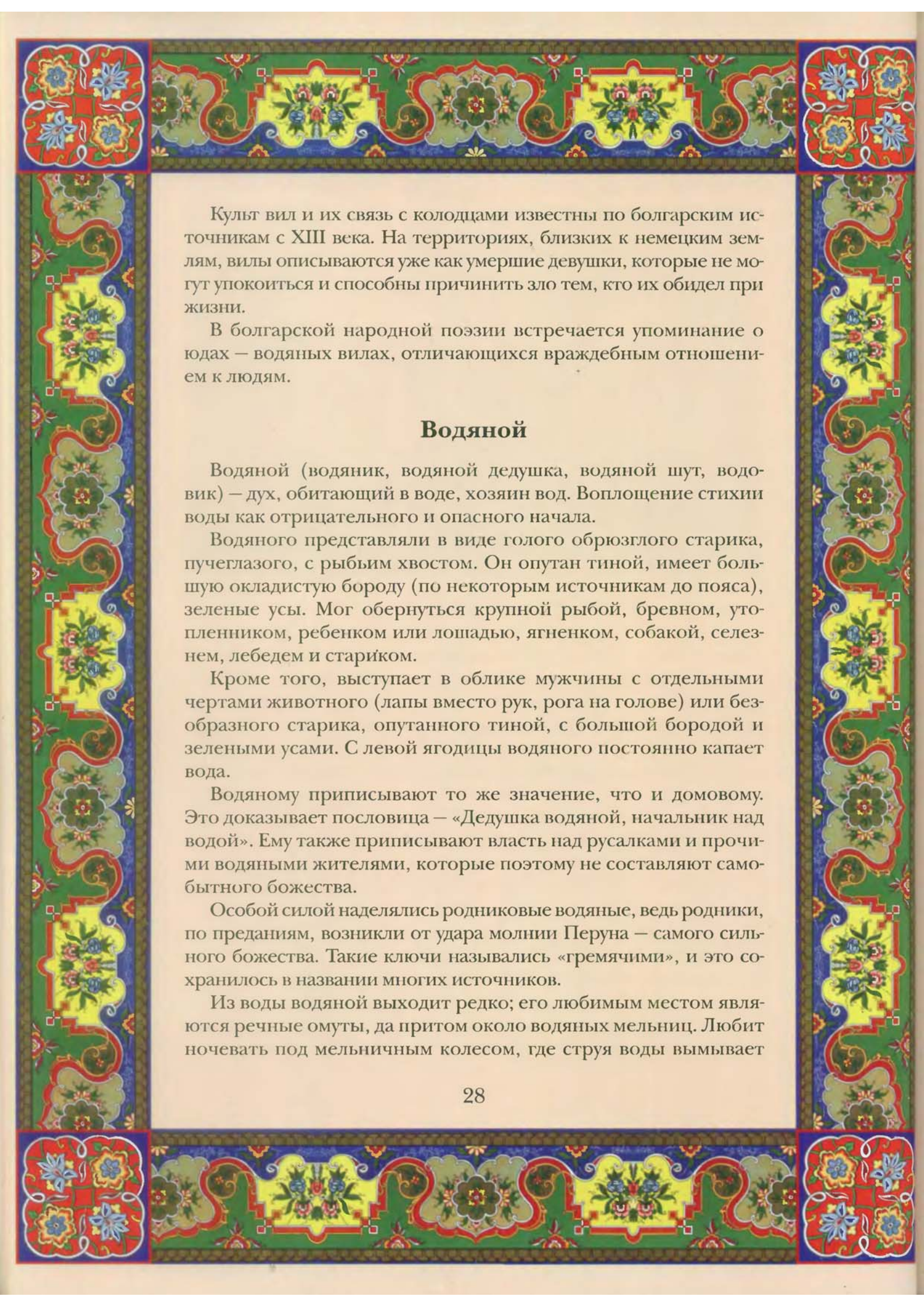
ля обратно и улетала. Дети, рожденные в таком браке, часто оставались брошенными на отца. Но иногда вила-мать могла забрать ребенка с собой.

Вилы — одно из прозваний облачных дев, вила (само название от слова «вить») прядет облачные кудели и тянет из них золотые нити молнии. Вилы изображаются и вещими пряхами, прядущими нить жизни. Их называют также лихоплеси (т. е. плетущие лихо — жизненные беды и смерть).

О суевном почитании вил упоминается в старинных рукописях: «Веруют в Перуна и в Хорса... и в вилы, их же числом тридевять сестрениц глаголют невлаги и мнять богинями, и тако покладывахуть имъ теребы».

Вила родственна светлым духам, и потому ее имя сопровождается постоянным эпитетом «белая».

Наравне с русалками, вилы обитают на горных вершинах, в лесах и воде и потому разделяются на горных, лесных и водяных. Вила роднится с лебедиными девами, которые постоянно купаются в озерах и источниках.

Культ вил и их связь с колодцами известны по болгарским источникам с XIII века. На территориях, близких к немецким землям, вилы описываются уже как умершие девушки, которые не могут упокоиться и способны причинить зло тем, кто их обидел при жизни.

В болгарской народной поэзии встречается упоминание о юдах — водяных вилах, отличающихся враждебным отношением к людям.

Водяной

Водяной (водяник, водяной дедушка, водяной шут, водовик) — дух, обитающий в воде, хозяин вод. Воплощение стихии воды как отрицательного и опасного начала.

Водяного представляли в виде голого обрюзглого старика, пучеглазого, с рыбьим хвостом. Он опутан тиной, имеет большую окладистую бороду (по некоторым источникам до пояса), зеленые усы. Мог обернуться крупной рыбой, бревном, утопленником, ребенком или лошадю, ягненком, собакой, селезнем, лебедем и стариком.

Кроме того, выступает в облике мужчины с отдельными чертами животного (лапы вместо рук, рога на голове) или безобразного старика, опутанного тиной, с большой бородой и зелеными усами. С левой ягодицы водяного постоянно капает вода.

Водяному приписывают то же значение, что и домовому. Это доказывает пословица — «Дедушка водяной, начальник над водой». Ему также приписывают власть над русалками и прочими водяными жителями, которые поэтому не составляют самостоятельного божества.

Особой силой наделялись родниковые водяные, ведь родники, по преданиям, возникли от удара молнии Перуна — самого сильного божества. Такие ключи назывались «гремьчими», и это сохранилось в названии многих источников.

Из воды водяной выходит редко; его любимым местом являются речные омуты, да притом около водяных мельниц. Любит ночевать под мельничным колесом, где струя воды вымывает

глубокие омуты. По ночам он, случается, вылезает на берег и чешет волосы, то же может делать и его супруга, безобразная водяника (водяница).

Водянику отчасти напоминает русалка, образ которой, впрочем, весьма варьируется по регионам. В значительной части северных районов вовсе не знают такого образа, а если знают, то представляют ее старой безобразной женщиной с отвислыми грудями, напоминающей лихачиху и не связанной с водной стихией. Более известный нам тип речной или лесной красавицы, чешущей волосы, чарующей мужчин и губящей девиц, распространен в Южной и Центральной России, а также на Украине.

Водяному приносили жертвы самого разного рода — от животных (например, черной свиньи или ворованной лошади) до табака, который поморы на Русском Севере бросали в воду с бранью: старoverы считали, что «табак и ругань как порождение „нечистого“ должны были служить угодным ему подношением». Поморы, кстати, верили, что и в море живет враждебный человеку дух — «морской сотан», мешающий промыслу и губящий рыбаков. Водяной, как леший, женолюбив и вообще склонен похищать людей, кото-

*Иван Билибин.
Василиса Премудрая
и морская царь*

Иван Билибин. Водяной

рые навсегда остаются в его подводных хрустальных чертогах.

Водяной пасет на дне рек и озер стада своих коров — сомов, карпов, лещей и прочей рыбы. Вообще-то он добрый, но иногда любит водяной побаловаться: затащить на дно какого-нибудь зазевавшегося человека, чтобы он его развлекал. Утопленники, кстати, тоже ходят в услужении у водяного.

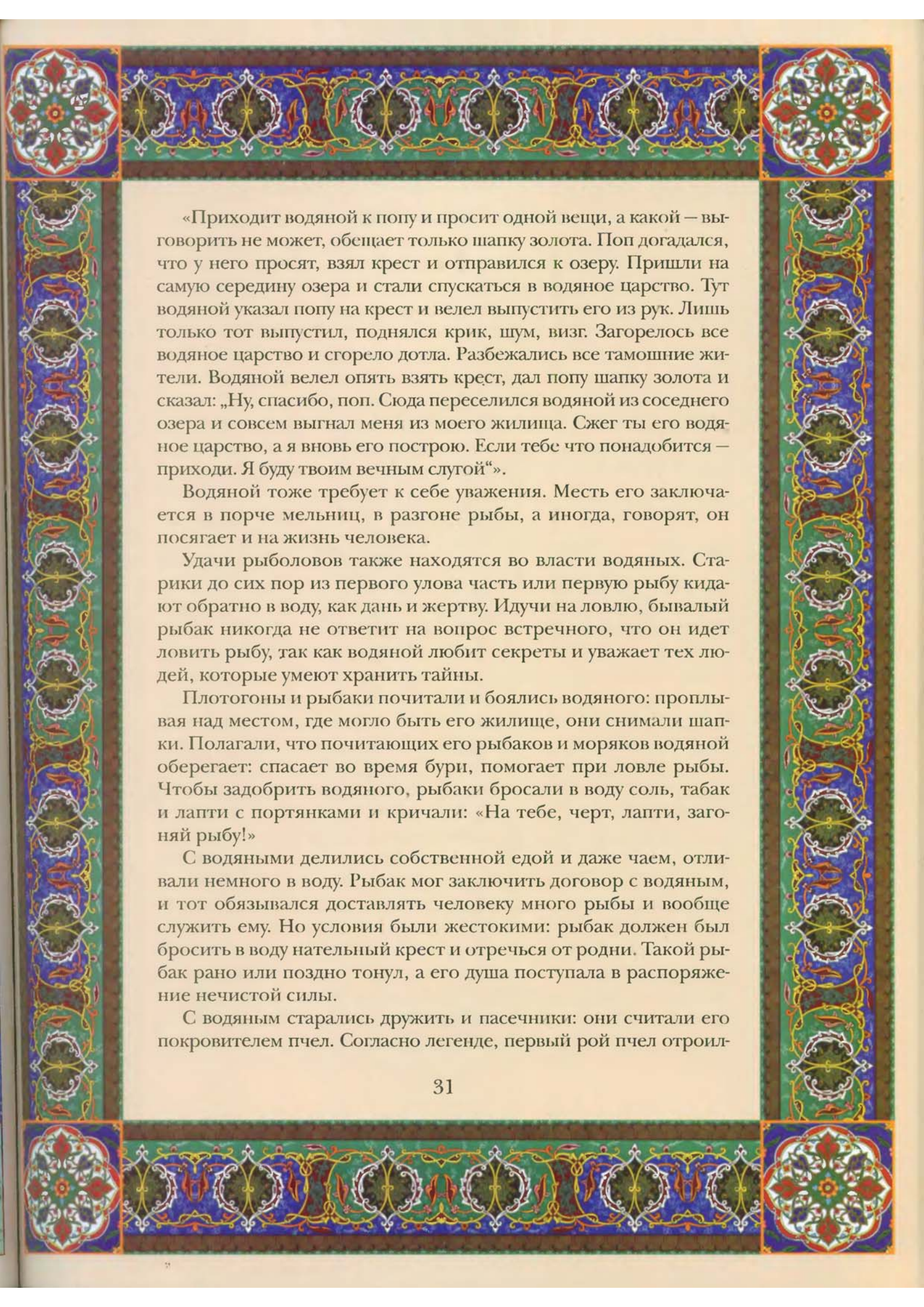
Водяные угаскивали людей себе на дно, пугали и топили купающихся. Эти поверья о водяных сопоставимы с легендой о морском (водяном, поддонном) царе, отра-

зившейся в русских былинах о Садко. В волшебных сказках водяной схватывает свою жертву, когда она пьет из ручья или колодца, требует у захваченного царя или купца сына в залог и т. п.

Водяной часто пытается перевернуть, затопить лодку с людьми. Об этом говорится в севернорусском «Житии Иова Ущельского» (XVII в.): «Ехали через Мезень-реку в лодке Фока с братьями, Петровы дети, на пашню свою и переправляли лошадь, и выехали до половины реки, и нашел на них дух нечистый, водный и начал лошадь топить. Они же лошадь держали, а нечистый дух въяве ходил волнами, как большая рыба, и нападал на лошадь и за лодку хватал, потопить хотя. Они же веслами его отогнали...»

По словам С. Максимова, кровоподтеки, раны и царапины, замечаемые на телах вынутых из воды утопленников служат наглядным свидетельством, что эти несчастные побывали в лапах водяного. Трупы людей он возвращает не всегда, руководясь личными капризами и соображениями, но трупы животных почти всегда оставляет для семейного продовольствия.

Хорошо осведомленные люди не едят раков и голых рыб (налимов и угрей), так как это любимые блюда на столе водяного, а также и сомовину за то, что на сомах, вместо лошади, ездят под водой водяные.

«Приходит водяной к попу и просит одной вещи, а какой — выговорить не может, обещает только шапку золота. Поп догадался, что у него просят, взял крест и отправился к озеру. Пришли на самую середину озера и стали спускаться в водяное царство. Тут водяной указал попу на крест и велел выпустить его из рук. Лишь только тот выпустил, поднялся крик, шум, визг. Загорелось все водяное царство и сгорело дотла. Разбежались все тамошние жители. Водяной велел опять взять крест, дал попу шапку золота и сказал: „Ну, спасибо, поп. Сюда переселился водяной из соседнего озера и совсем выгнал меня из моего жилища. Сжег ты его водяное царство, а я вновь его построю. Если тебе что понадобится — приходи. Я буду твоим вечным слугой“».

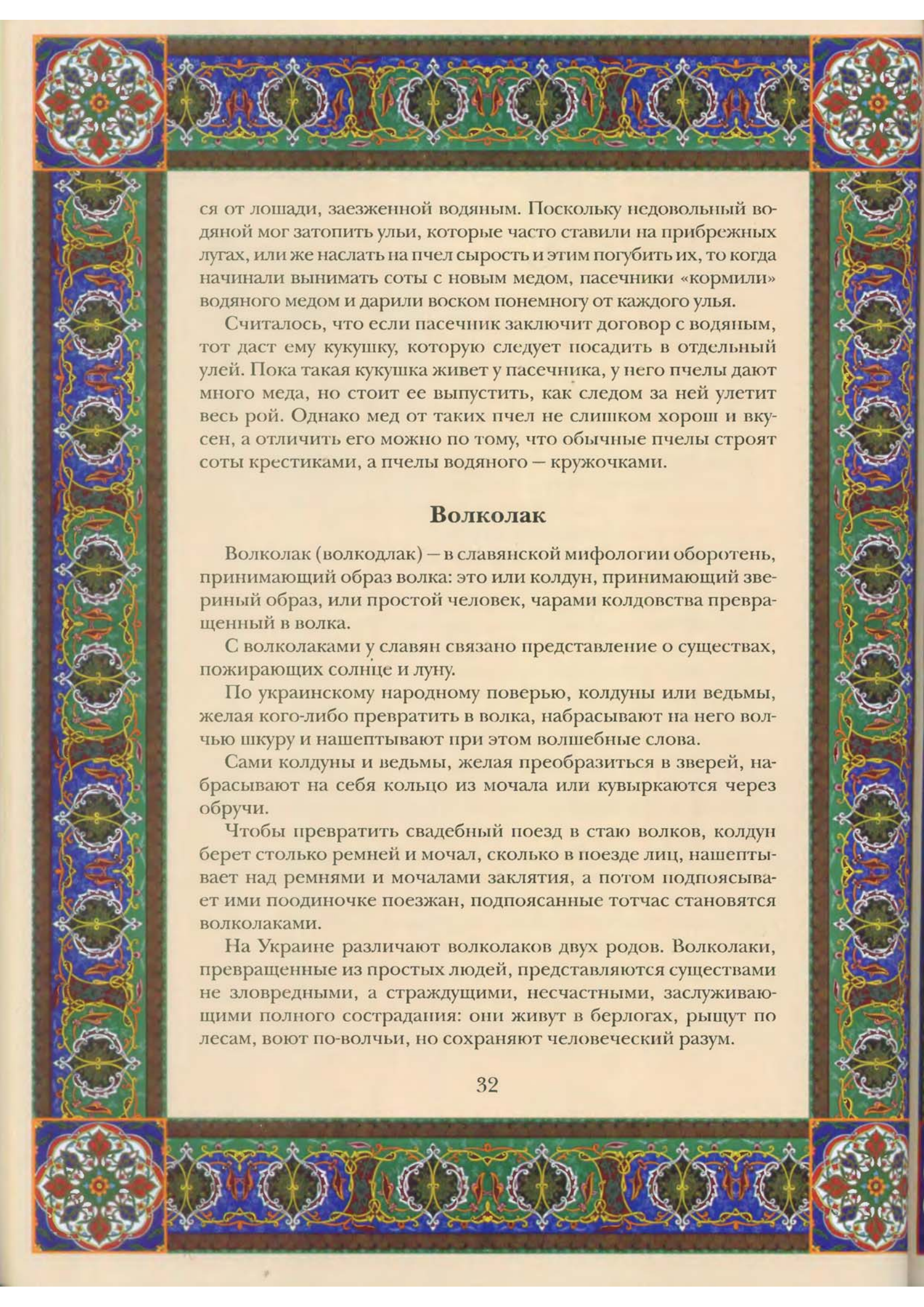
Водяной тоже требует к себе уважения. Мечь его заключается в порче мельниц, в разгоне рыбы, а иногда, говорят, он посягает и на жизнь человека.

Удачи рыболовов также находятся во власти водяных. Старики до сих пор из первого улова часть или первую рыбу кидают обратно в воду, как дань и жертву. Идучи на ловлю, бывалый рыбак никогда не ответит на вопрос встречного, что он идет ловить рыбу, так как водяной любит секреты и уважает тех людей, которые умеют хранить тайны.

Плотогоны и рыбаки почитали и боялись водяного: проплывая над местом, где могло быть его жилище, они снимали шапки. Полагали, что почитающих его рыбаков и моряков водяной оберегает: спасает во время бури, помогает при ловле рыбы. Чтобы задобрить водяного, рыбаки бросали в воду соль, табак и лапти с портянками и кричали: «На тебе, черт, лапти, загоняй рыбу!»

С водяными делились собственной едой и даже чаем, отливали немного в воду. Рыбак мог заключить договор с водяным, и тот обязывался доставлять человеку много рыбы и вообще служить ему. Но условия были жестокими: рыбак должен был бросить в воду нательный крест и отречься от родни. Такой рыбак рано или поздно тонул, а его душа поступала в распоряжение нечистой силы.

С водяным старались дружить и пасечники: они считали его покровителем пчел. Согласно легенде, первый рой пчел отроил-

ся от лошади, заезженной водяным. Поскольку недовольный водяной мог затопить ульи, которые часто ставили на прибрежных лугах, или же наслать на пчел сырость и этим погубить их, то когда начинали вынимать соты с новым медом, пасечники «кормили» водяного медом и дарили воском понемногу от каждого улья.

Считалось, что если пасечник заключит договор с водяным, тот даст ему кукушку, которую следует посадить в отдельный улей. Пока такая кукушка живет у пасечника, у него пчелы дают много меда, но стоит ее выпустить, как следом за ней улетит весь рой. Однако мед от таких пчел не слишком хорош и вкусен, а отличить его можно по тому, что обычные пчелы строят соты крестиками, а пчелы водяного — кружочками.

Волколак

Волколак (волкодлак) — в славянской мифологии оборотень, принимающий образ волка: это или колдун, принимающий звериный образ, или простой человек, чарами колдовства превращенный в волка.

С волколаками у славян связано представление о существах, пожирающих солнце и луну.

По украинскому народному поверью, колдуны или ведьмы, желая кого-либо превратить в волка, набрасывают на него волчью шкуру и нашептывают при этом волшебные слова.

Сами колдуны и ведьмы, желая преобразиться в зверей, набрасывают на себя кольцо из мочала или кувиркаются через обручи.

Чтобы превратить свадебный поезд в стаю волков, колдун берет столько ремней и мочал, сколько в поезде лиц, нашептывает над ремнями и мочалами заклятия, а потом подпоясывает ими поодиночке поезжан, подпоясанные тотчас становятся волколаками.

На Украине различают волколаков двух родов. Волколаки, превращенные из простых людей, представляются существами не зловредными, а страждущими, несчастными, заслуживающими полного сострадания: они живут в берлогах, рыщут по лесам, воют по-волчьи, но сохраняют человеческий разум.

Волколак же, превращающийся добровольно, не испытывает никаких страданий, пользуется этим превращением с выгодой для своих целей, рыская волком по ночам, к рассвету же снова принимая человеческий образ. В этом различии весьма рельефно выступают два факта, к которым можно свести столь распространенные верования в волколака.

Волколаки страждущие — это представители особого вида умопомешательства, при котором больные воображают, что они превращены или могут превращаться в волков. Болезнь эта, известная под именем ликантропия, была распространена в Европе в Средние века. В поверьях же о волколаках зловредных видны отголоски мистических представлений, при которых волк является олицетворением враждебных сил природы.

Южнославянские поверья связывают волколака с упырем (вампиром). По поверьям южных славян, волколак наводит голод, высасывает кровь из людей и собак, иной раз принимает образ красивого парня и заставляет молодую вдову вступить с ним в брачную связь, и плодом этой связи являются дети, у которых, обыкновенно, не бывает костей.

В украинской быличке рассказывается: «Возвращались два брата с поля домой.

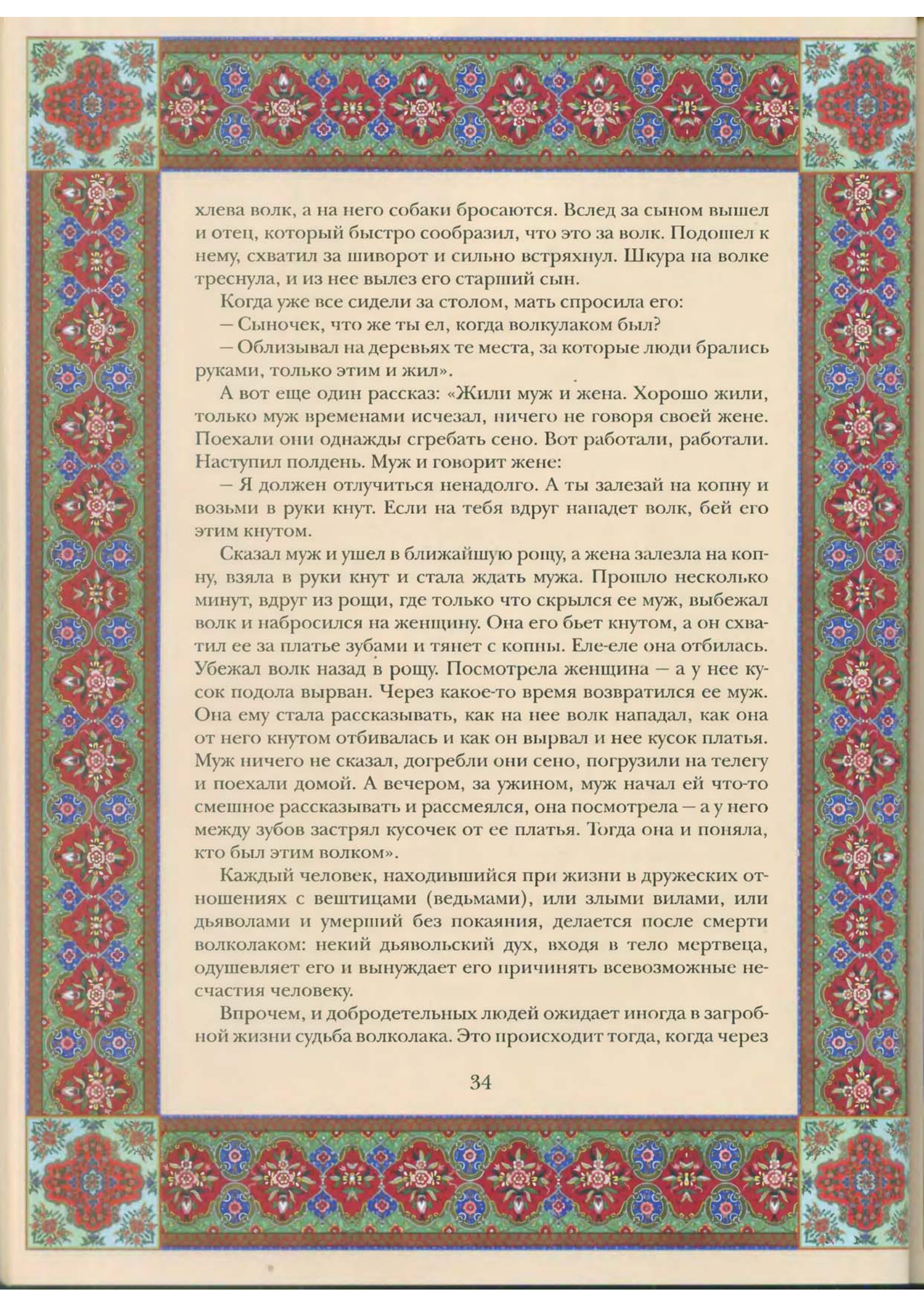
— А что, Грицко, очень ли ты боишься волков? — спрашивает старший брат младшего.

— Не знаю, я их сроду не видел, — отвечает брат.

— А вот сейчас увидишь.

Зашел он за могилу, находившуюся около дороги, вынул из кармана два ножа, воткнул их в землю и перекувырнулся между ними через голову. Не успел Грицко и рта раскрыть, как из-за могилы показался большущий волк. Испугался Грицко, бросился за могилу, где скрылся его брат, но вместо брата нашел только два ножа, воткнутые в землю. Выдернул он ножи и бегом пустился домой, потому что за ним бежал волк, жалобно воя.

Люди часто стали встречать около села странного волка — тощего, со слезящимися глазами. Раз ночью страшный лай собак разбудил Грицка. Вышел он из хаты, видит — сидит в углу

хлева волк, а на него собаки бросаются. Вслед за сыном вышел и отец, который быстро сообразил, что это за волк. Подошел к нему, схватил за шиворот и сильно встряхнул. Шкура на волке треснула, и из нее вылез его старший сын.

Когда уже все сидели за столом, мать спросила его:

— Сыночек, что же ты ел, когда волкулаком был?

— Облизывал на деревьях те места, за которые люди брались руками, только этим и жил».

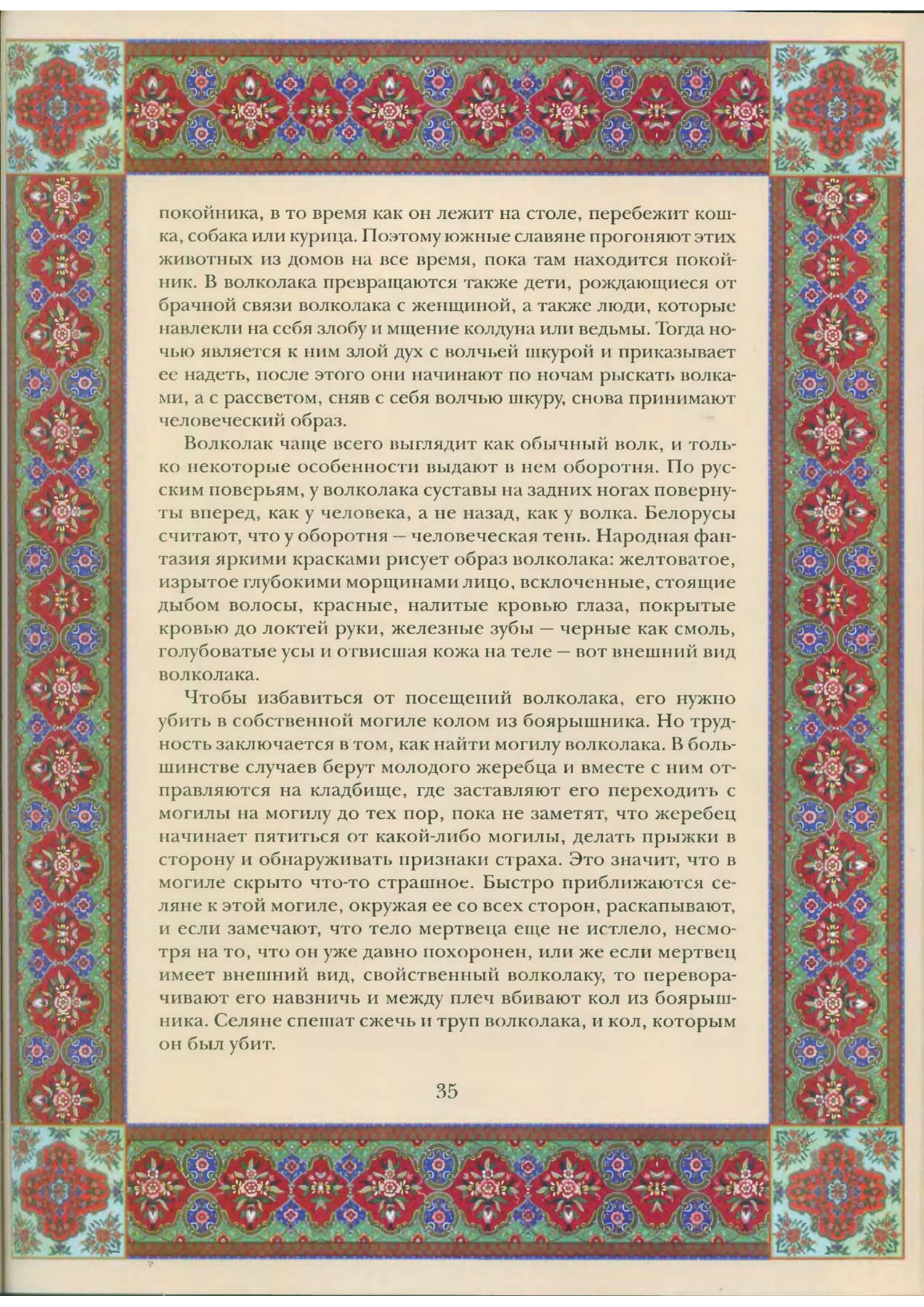
А вот еще один рассказ: «Жили муж и жена. Хорошо жили, только муж временами исчезал, ничего не говоря своей жене. Поехали они однажды сгребать сено. Вот работали, работали. Наступил полдень. Муж и говорит жене:

— Я должен отлучиться ненадолго. А ты залезай на копну и возьми в руки кнут. Если на тебя вдруг нападет волк, бей его этим кнутом.

Сказал муж и ушел в ближайшую рощу, а жена залезла на копну, взяла в руки кнут и стала ждать мужа. Прошло несколько минут, вдруг из рощи, где только что скрылся ее муж, выбежал волк и набросился на женщину. Она его бьет кнутом, а он схватил ее за платье зубами и тянет с копны. Еле-еле она отбилась. Убежал волк назад в рощу. Посмотрела женщина — а у нее кусок подола вырван. Через какое-то время возвратился ее муж. Она ему стала рассказывать, как на нее волк нападал, как она от него кнутом отбивалась и как он вырвал и нее кусок платья. Муж ничего не сказал, догребли они сено, погрузили на телегу и поехали домой. А вечером, за ужином, муж начал ей что-то смешное рассказывать и рассмеялся, она посмотрела — а у него между зубов застрял кусочек от ее платья. Тогда она и поняла, кто был этим волком».

Каждый человек, находившийся при жизни в дружеских отношениях с вештицами (ведьмами), или злыми вилами, или дьяволами и умерший без покаяния, делается после смерти волколаком: некий дьявольский дух, входя в тело мертвеца, одушевляет его и вынуждает его причинять всевозможные несчастья человеку.

Впрочем, и добродетельных людей ожидает иногда в загробной жизни судьба волколака. Это происходит тогда, когда через

покойника, в то время как он лежит на столе, перебежит кошка, собака или курица. Поэтому южные славяне прогоняют этих животных из домов на все время, пока там находится покойник. В волколака превращаются также дети, рождающиеся от брачной связи волколака с женщиной, а также люди, которые навлекли на себя злобу и мщение колдуна или ведьмы. Тогда ночью является к ним злой дух с волчьей шкурой и приказывает ее надеть, после этого они начинают по ночам рыскать волками, а с рассветом, сняв с себя волчью шкуру, снова принимают человеческий образ.

Волколак чаще всего выглядит как обычный волк, и только некоторые особенности выдают в нем оборотня. По русским поверьям, у волколака суставы на задних ногах повернуты вперед, как у человека, а не назад, как у волка. Белорусы считают, что у оборотня — человеческая тень. Народная фантазия яркими красками рисует образ волколака: желтоватое, изрытое глубокими морщинами лицо, включенные, стоящие дыбом волосы, красные, налитые кровью глаза, покрытые кровью до локтей руки, железные зубы — черные как смоль, голубоватые усы и отвисшая кожа на теле — вот внешний вид волколака.

Чтобы избавиться от посещений волколака, его нужно убить в собственной могиле колом из боярышника. Но трудность заключается в том, как найти могилу волколака. В большинстве случаев берут молодого жеребца и вместе с ним отправляются на кладбище, где заставляют его переходить с могилы на могилу до тех пор, пока не заметят, что жеребец начинает пятиться от какой-либо могилы, делать прыжки в сторону и обнаруживать признаки страха. Это значит, что в могиле скрыто что-то страшное. Быстро приближаются селяне к этой могиле, окружая ее со всех сторон, раскапывают, и если замечают, что тело мертвеца еще не истлело, несмотря на то, что он уже давно похоронен, или же если мертвец имеет внешний вид, свойственный волколаку, то переворачивают его навзничь и между плеч вбивают кол из боярышника. Селяне спешат сжечь и труп волколака, и кол, которым он был убит.

Волчий пастырь

Волчий пастырь — владыка бурных гроз, которому подвластны небесные волки-пожиратели солнца, следующие за ним большими стаями и в дикой охоте заменяющие собою гончих псов.

По преданиям, волчий пастырь выезжает верхом на волке, имея в руках длинный бич, или шествует впереди многочисленной стаи волков и усмиряет их дубинкою. Он то показывается в виде старого деда, то сам превращается в волка, рыщет по лесам хищным зверем и нападает на деревенские стада.

Этот оборотень, останавливаясь под тенистым деревом, превращается из зверя в старца, собирает вокруг себя волков, кормит их и каждому назначает его добычу: одному волку приказывает зарезать корову, другому — заесть овцу, свинью или жеребенка, третьему — растерзать человека.

Кого назначит он в жертву волку, тот, несмотря на все предосторожности, уже не избегнет своей судьбы.

Ворогуша

Ворогуша (ворогуха, ворожея) — одна из сестер-лихорадок, она садится в виде белого ночного мотылька на губы сонного и приносит ему болезнь.

В Орловской губернии больного купают в отваре липового цвета. Снятую с него рубаху больной должен ранним утром отнести к речке, бросить ее в воду и промолвить:

«Матушка-ворогуша! на тебе рубашку, а ты от меня откачнись прочь!»

Затем больной возвращается домой молча, не оглядываясь.

Вурдалак

Мифическое существо, живой мертвец, обычно возрождающийся из мертвых людей или из тех, которые были укушены другим вурдалаком. Пьют кровь родных. По пове-

Виктор Корольков. Волчий пастырь

рю, из-за появления вурдалаков вымирают целые деревни, так как они умерщвляют в первую очередь, обращая их тоже в вурдалаков, самых близких людей (детей, мать, отца и т. п.)

Иногда вурдалаков отождествляют с волкодлаками. Считается, что само слово «вурдалак» возникло случайно: А. С. Пушкин создал стихотворение «Вурдалак», неправильно передав слово «волкодлак».

Гамаюн

Вещая птица, поющая людям божественные песни и предвещающая будущее тем, кто умеет слышать тайное. Гамаюн знает все на свете. Когда Гамаюн летит с восхода, приходит смертоносная буря.

Первоначально образ пришел из восточной (персидской) мифологии. Изображалась с женской головой и грудью. В мифологии древних иранцев есть аналог — птица радости Хумаюн.

Двоедушник

Число «два» у славян, в отличие от чисел «один» и «три», обладало сверхъестественной силой. Двоедушник — существо, способное вмещать в себя две души — человеческую и демоническую.

Обычно двоедушник днем ведет себя как и любой другой человек, а ночью он сразу же засыпает глубоким сном, так что разбудить его невозможно. В это время он бродит вне своего тела в обличье пса, зайца, коня и т.п.

Иногда после смерти двоедушника его чистая душа идет на тот свет, а нечистая душа становится упырем.

Если бродящего двоедушника кто-либо будет задерживать, он может убить своей силой или силой ветра, от которого нет спасения. Двоедушника можно разбудить, перевернув его головой на место ног. В том случае двоедушник будет болеть не менее двух недель.

Деды

Деды — души предков, умерших более девяти лет назад, улетевшие в Ирий.

Также Деды — регулярно проводимые обряды поминания умерших родных. В отличие от весенней Радуницы, на Дедов не ходили на кладбище, а приглашали духов предков к себе. Основным ритуальным блюдом Дедов считалась кутья.

Обряды поминания проводятся несколько раз в год. Для каждого обряда установлен промежуток времени в 10–14 дней, в течение которого его следует провести. Но при этом обряд всегда проводится в субботу. С христианизацией славянских народов эти обряды трансформировались в родительские субботы и в таком виде существуют до сих пор.

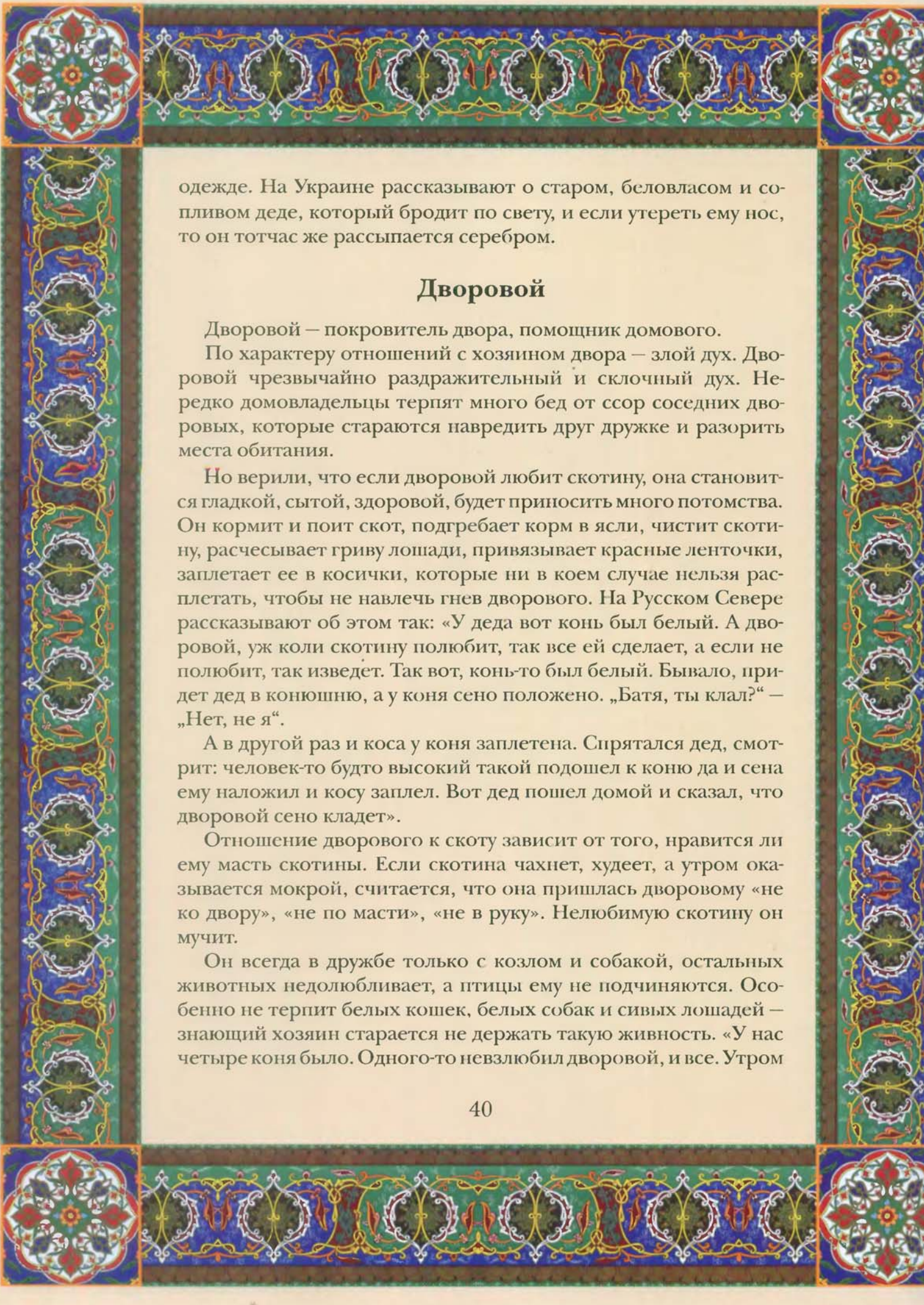
Обычно в дни «дедов» люди идут к могилам родных, чтобы почтить их памятью. Подается поминальная еда, которая должна быть горячей (для того чтобы духи могли вдыхать поднимающийся пар от пищи, приготовленной в их честь). Кроме того, на столе кладут больше ложек — для предков. Каждого умершего предка называют по имени.

Дед — хранитель рода и, прежде всего, детей, представитель родового старейшинства, который умиряет страсти внутри клана, хранит основные принципы морали рода, строго следя за их исполнением.

Белорусы и украинцы называли дедом домовое божество, охраняющее домашний очаг, печной огонь, как бы малый Перунов огонь, в отличие от большого — на небе. Дедом называли и лесное божество — хранителя Перунова клада. Деда молили об указании, открытии клада.

В Белоруссии хранителя золотых кладов называют Дедка. Ходит он по дорогам в виде нищего с красными, огненными глазами и с такою же бородою и, встретив несчастного бедняка, наделяет его деньгами.

В Херсонской губернии рассказывают, что клад нередко является в виде старика в изорванной и грязной нищенской

одежде. На Украине рассказывают о старом, беловласом и сопливом деде, который бродит по свету, и если утереть ему нос, то он тотчас же рассыпается серебром.

Дворовой

Дворовой — покровитель двора, помощник домового.

По характеру отношений с хозяином двора — злой дух. Дворовой чрезвычайно раздражительный и склочный дух. Нередко домовладельцы терпят много бед от ссор соседних дворовых, которые стараются навредить друг дружке и разорить места обитания.

Но верили, что если дворовой любит скотину, она становится гладкой, сытой, здоровой, будет приносить много потомства. Он кормит и поит скот, подгребает корм в ясли, чистит скотину, расчесывает гриву лошади, привязывает красные ленточки, заплетает ее в косички, которые ни в коем случае нельзя расплетать, чтобы не навлечь гнев дворowego. На Русском Севере рассказывают об этом так: «У деда вот конь был белый. А дворовой, уж коли скотину полюбит, так все ей сделает, а если не полюбит, так изведет. Так вот, конь-то был белый. Бывало, придет дед в конюшню, а у коня сено положено. „Батя, ты клал?“ — „Нет, не я“.

А в другой раз и коса у коня заплетена. Спрятался дед, смотрит: человек-то будто высокий такой подошел к коню да и сена ему наложил и косу заплел. Вот дед пошел домой и сказал, что дворовой сено кладет».

Отношение дворowego к скоту зависит от того, нравится ли ему масть скотины. Если скотина чахнет, худеет, а утром оказывается мокрой, считается, что она приплась дворowego «не ко двору», «не по масти», «не в руку». Нелюбимую скотину он мучит.

Он всегда в дружбе только с козлом и собакой, остальных животных недолюбливает, а птицы ему не подчиняются. Особенно не терпит белых кошек, белых собак и сивых лошадей — знающий хозяин старается не держать такую живность. «У нас четыре коня было. Одного-то невзлюбил дворовой, и все. Утром

приходят мужики: у всех коней овес насыпан, гривы заплетены (он им косички мелкие-мелкие плетет). А этот вспаренный весь, храпит. Ну, решили мужики подкараулить его. Взяли, подвесили дырявое ведро под овес, а сами за скирдой спрятались. А дворовой пришел, стал овес насыпать, а ведро дырявое. Он как кинет его в скирду, в мужиков. Ох, перепугались они и убежали».

Внешним видом похож на домового, весь мохнатый. Дары ему подносят на железных вилах в ясли.

Домовой

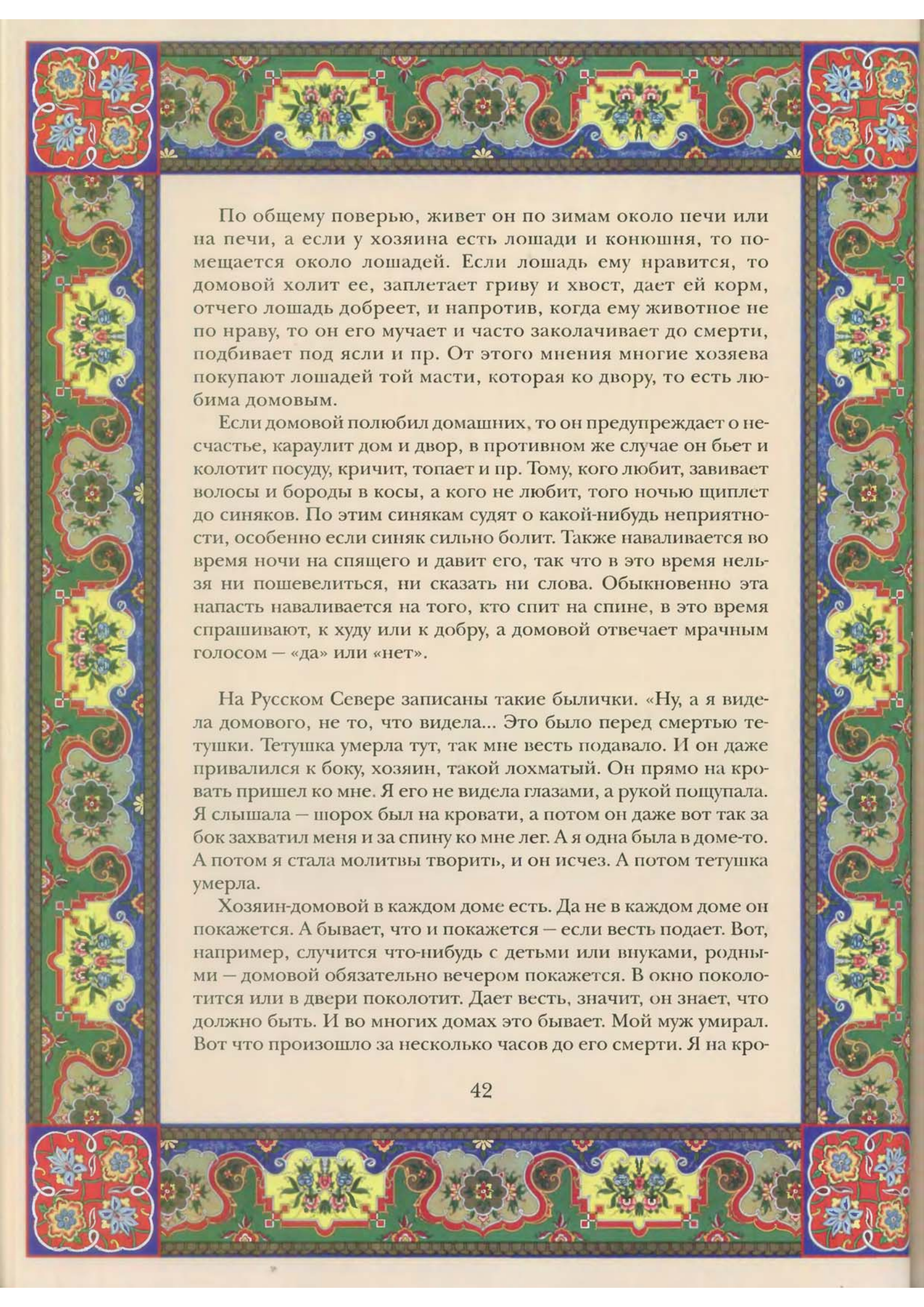
Домовой — у славянских народов домашний дух, мифологический хозяин и покровитель дома, обеспечивающий нормальную жизнь семьи, здоровье людей и животных, плодородие.

От бесов он отличается тем, что не делает большого зла, а только шутит иногда, даже оказывает услуги, если любит хозяина или хозяйку.

Перед смертью кого-нибудь из семейства воет, иногда даже показывается кому-нибудь, стучит, хлопает дверьми и пр.

Борис Кустодиев. Купчиха и домовой

По общему поверью, живет он по зимам около печи или на печи, а если у хозяина есть лошади и конюшня, то помещается около лошадей. Если лошадь ему нравится, то домовый холит ее, заплетает гриву и хвост, дает ей корм, отчего лошадь добреет, и напротив, когда ему животное не по нраву, то он его мучает и часто заколачивает до смерти, подбивает под ясли и пр. От этого мнения многие хозяева покупают лошадей той масти, которая ко двору, то есть любима домовым.

Если домовый полюбил домашних, то он предупреждает о несчастье, караулит дом и двор, в противном же случае он бьет и колотит посуду, кричит, топает и пр. Тому, кого любит, завивает волосы и бороды в косы, а кого не любит, того ночью щиплет до синяков. По этим синякам судят о какой-нибудь неприятности, особенно если синяк сильно болит. Также наваливается во время ночи на спящего и давит его, так что в это время нельзя ни пошевелиться, ни сказать ни слова. Обыкновенно эта напасть наваливается на того, кто спит на спине, в это время спрашивают, к худу или к добру, а домовый отвечает мрачным голосом — «да» или «нет».

На Русском Севере записаны такие былички. «Ну, а я видела домового, не то, что видела... Это было перед смертью тетушки. Тетушка умерла тут, так мне весть подавало. И он даже привалился к боку, хозяин, такой лохматый. Он прямо на кровать пришел ко мне. Я его не видела глазами, а рукой пощупала. Я слышала — шорох был на кровати, а потом он даже вот так за бок захватил меня и за спину ко мне лег. А я одна была в доме-то. А потом я стала молитвы творить, и он исчез. А потом тетушка умерла.

Хозяин-домовой в каждом доме есть. Да не в каждом доме он покажется. А бывает, что и покажется — если весть подает. Вот, например, случится что-нибудь с детьми или внуками, родными — домовый обязательно вечером покажется. В окно поколотится или в двери поколотит. Дает весть, значит, он знает, что должно быть. И во многих домах это бывает. Мой муж умирал. Вот что произошло за несколько часов до его смерти. Я на кро-

вати лежу, а муж встал с дивана и в проем двери смотрит. Спрашивает меня:

— А ты, Клаша, спишь?

Я спала.

— А ты никого не видела в избе-то? А вот ты, Клашенька, не видела. Пришел мужчина такой, как я. Только стол обошел. И потом вышел и дверью хлопнул. Я ждал-ждал — а на улицу никто не вышел.

Муж умер на следующее утро. Это ему хозяин домовый показался».

«Построил один наш мужичок зимовье. Скот там пасти. Скотину перегнал. А перед тем попросился у домового: „Хозяин-хозяин, пусти меня к себе и скотинку мою жалуй!“ На ночь каши наварил полный горшок, сам не тронул, а на шесток домовому поставил.

Загнал во дворы скотину, стал жить, пасти. И как-то раз дождь был. Он промок весь, к вечеру загнал во дворы, пошел, согрелся и уснул. Спит, вдруг кто-то его за плечо встряхнул: „Хозяин, хозяин! А быки-то твои изгородь разбили, ушли вверх по оврагу!“

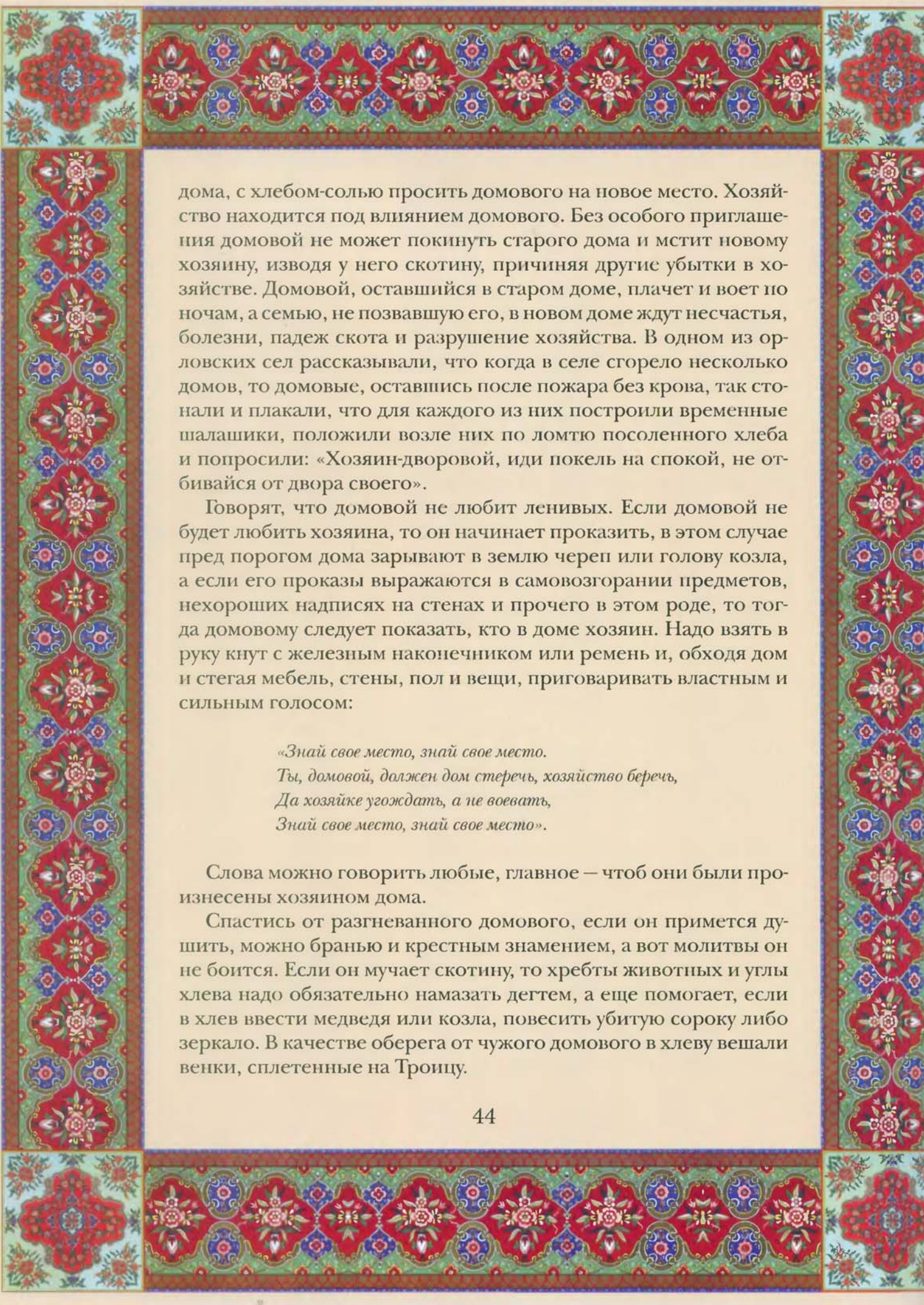
Выбежал: правда, дворы пусты. Он — на коня и вверх по оврагу. Уже в вершине их догнал, заворотил.

Потом снова как-то спит, слышит: „Хозяин, у тебя зимовье горит!“ Проснулся: вот беда, огнем все занялось! Он говорит: „Дедушка-домовой, помогал бы мне тушить-то“. И сразу дело лучше пошло, затушил скоро, ничего как-то не погорело».

Считается, что домовый не любит зеркал, также козлов, а равно тех, кто спит около порога или под порогом. Иногда слышат, как он, сидя на хозяйском месте, занимается хозяйской работой, между тем как ничего этого не видно.

В простом народе к домовому питают уважение, боятся его чем-либо оскорбить и даже остерегаются произнести его имя без цели. В разговорах не называют его домовым, а «дедушкой, хозяином, набольшим или самим».

При переезде из одного дома в другой непременно обязанностью считают в последнюю ночь, перед выходом из старого

дома, с хлебом-солью просить домового на новое место. Хозяйство находится под влиянием домового. Без особого приглашения домовый не может покинуть старого дома и мстит новому хозяину, изводя у него скотину, причиняя другие убытки в хозяйстве. Домовой, оставшийся в старом доме, плачет и воет по ночам, а семью, не позвавшую его, в новом доме ждут несчастья, болезни, падеж скота и разрушение хозяйства. В одном из орловских сел рассказывали, что когда в селе сторе́ло несколько домов, то домовые, оставшись после пожара без крова, так стонали и плакали, что для каждого из них построили временные шалашики, положили возле них по ломтю посоленного хлеба и попросили: «Хозяин-дворовой, иди покель на покой, не отбивайся от двора своего».

Говорят, что домовый не любит ленивых. Если домовый не будет любить хозяина, то он начинает проказить, в этом случае пред порогом дома зарывают в землю череп или голову козла, а если его проказы выражаются в самовозгорании предметов, нехороших надписях на стенах и прочего в этом роде, то тогда домовому следует показать, кто в доме хозяин. Надо взять в руку кнут с железным наконечником или ремень и, обходя дом и стегая мебель, стены, пол и вещи, приговаривать властным и сильным голосом:

*«Знай свое место, знай свое место.
Ты, домовый, должен дом стеречь, хозяйство беречь,
Да хозяйке угождать, а не воевать,
Знай свое место, знай свое место».*

Слова можно говорить любые, главное — чтоб они были произнесены хозяином дома.

Спасти́сь от разгневанного домового, если он примется души́ть, можно бранью и крестным знамением, а вот молитвы он не боится. Если он мучает скотину, то хребты животных и углы хлева надо обязательно намазать дегтем, а еще помогает, если в хлев ввести медведя или козла, повесить убитую сороку либо зеркало. В качестве оберега от чужого домового в хлеву вешали венки, сплетенные на Троицу.

Павел Джогин. Старая мельница

Заложные покойники

Заложные покойники — в славянской мифологии люди, которые умерли неестественной или преждевременной смертью. Также назывались «мертвяками» и «нечистыми». К ним обычно причисляли умерших насильственной смертью, самоубийц, опойцев (умерших от пьянства), утопленников, некрещеных детей, колдунов и ведьм.

Возникновение самого слова «заложный» связывают со способом захоронения. В отличие от обычных покойников — «родителей» — «нечистых» не закапывали в землю, а хоронили на перекрестках дорог, границах полей, в лесу, в болотах, в оврагах, за пределами ограды церкви, так как считалось, что они «прокляты родителями и земля их не принимает».

Тело в гробу укладывали лицом вниз, яму закладывали (отсюда, по одной из версий, и название этих покойников — «заложные») камнями и ветками. Д. К. Зеленин приводит рассказ крестьян Новомосковского уезда о том, что самоубийцу не нужно переносить с того места, где он умер, иначе тот будет возвращаться обратно в течение семи лет. Но если все же его труп надо перенести, то делают это с помощью переноса через перекресток, тогда умерший заблудится, дойдя до него.

Одним из самых распространенных поверий, связанных с заложными покойниками, была их способность вызывать засуху. Так, в Екатеринославской губернии некая женщина удушилась, но родственники похоронили ее вблизи кладбища, несмотря на то, что все жители были против. После этого, во время засухи, местной женщине приснился сон, что если удушившуюся напоят, то снова пойдет дождь. Ночью жители отрыли труп и вылили на него три бочки воды.

В Симбирской губернии, существовало поверье, что во время засухи «надо непременно найти опойца, которого не принимает земля, поэтому его надо вырыть из земли и кинуть в болото, чтобы пошел дождь». Аналогичные рассказы есть и о других местах, кроме тех, где засухи не бывает.

Злыдни

Злыдни — у украинцев демонические существа, враждебные человеку, его недоля, беда. В современном украинском языке это слово употребляется в значении «нищета».

Злые духи, маленькие существа, поселившись за печкой, остаются невидимыми и приносят дому несчастья: как бы ни было велико богатство хозяина, оно быстро сгинет и вместо довольства наступит нищета. Существует заклятие: «Нехай его злыдни побьют!»

Своим крохотным ростом и неугомонным характером они напоминают домовых карликов и тем самым дают свидетельство о древнейшей связи мифических олицетворений судьбы и смерти со стихийными грозowymi духами (другое свидетельство — способность превращений).

В народной сказке они играют ту же роль, что и Горе, Лихо и Недоля. У белорусов сохранилась поговорка: «Впросилися злыдни на три дни, а в три годы не выживешь!» Украинское «Бодай вас злыдни побили!» — пожелание несчастья, «к злыдню» — к черту.

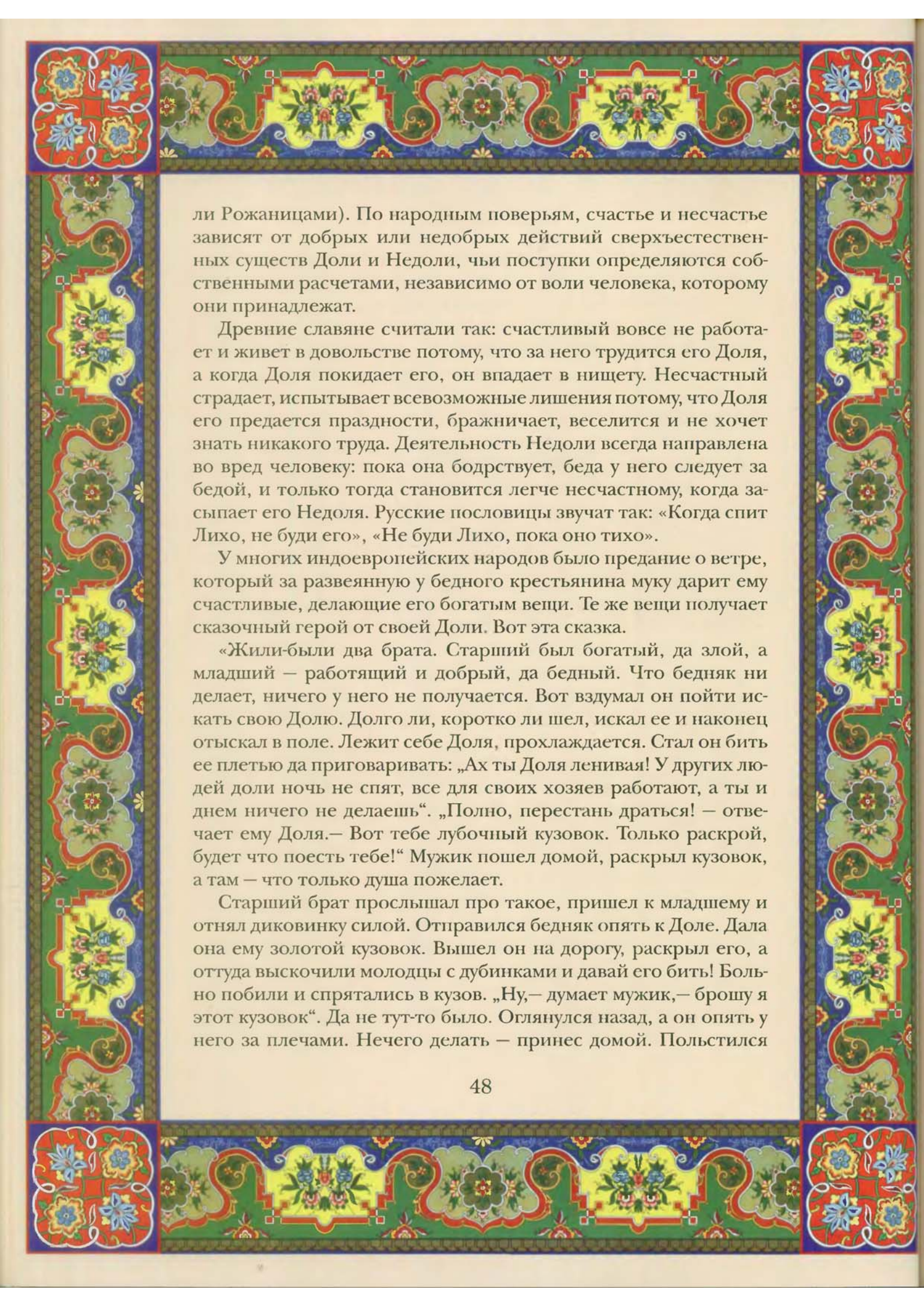
Злыдни странствуют по свету и располагаются на житье обществами, точно так же, по свидетельству народных поговорок, «Беда не приходит одна», «Беды вереницами ходят».

«Смилуйся, матъ, посмотри, вон твой сын с куском хлеба и палкой бросил дом и идет по катучим камням — куда глаза глядят, а злыдни — спутники горя, обвиваясь вокруг шеи, шепчут на уши: „Мы от тебя не отстанем!“».

(А. М. Ремизов. «К Морю-Океану»)

Злыдни отличаются от пассивной Доли: последняя только не содействует благосостоянию человека, злыдни же приносят ему несчастье. В некоторых местностях злыдней представляли в образе невидимых стариков-нищих: где они поселятся, там вечно будет бедность.

Понятия «доля» и «недоля» связывались с живыми мифическими лицами, тождественными девам Судьбы (их еще называ-

ли Рожаницами). По народным поверьям, счастье и несчастье зависят от добрых или недобрых действий сверхъестественных существ Доли и Недоли, чьи поступки определяются собственными расчетами, независимо от воли человека, которому они принадлежат.

Древние славяне считали так: счастливый вовсе не работает и живет в довольстве потому, что за него трудится его Доля, а когда Доля покидает его, он впадает в нищету. Несчастный страдает, испытывает всевозможные лишения потому, что Доля его предается праздности, бразничает, веселится и не хочет знать никакого труда. Деятельность Недоли всегда направлена во вред человеку: пока она бодрствует, беда у него следует за бедой, и только тогда становится легче несчастному, когда засыпает его Недоля. Русские пословицы звучат так: «Когда спит Лихо, не буди его», «Не буди Лихо, пока оно тихо».

У многих индоевропейских народов было предание о ветре, который за развеянную у бедного крестьянина муку дарит ему счастливые, делающие его богатым вещи. Те же вещи получает сказочный герой от своей Доли. Вот эта сказка.

«Жили-были два брата. Старший был богатый, да злой, а младший — работающий и добрый, да бедный. Что бедняк ни делает, ничего у него не получается. Вот вздумал он пойти искать свою Долю. Долго ли, коротко ли шел, искал ее и наконец отыскал в поле. Лежит себе Доля, прохлаждается. Стал он бить ее плетью да приговаривать: „Ах ты Доля ленивая! У других людей доли ночь не спят, все для своих хозяев работают, а ты и днем ничего не делаешь“. „Полно, перестань драться! — отвечает ему Доля.— Вот тебе лубочный кузовок. Только раскрой, будет что поесть тебе!“ Мужик пошел домой, раскрыл кузовок, а там — что только душа пожелает.

Старший брат прослышал про такое, пришел к младшему и отнял диковинку силой. Отправился бедняк опять к Доле. Дала она ему золотой кузовок. Вышел он на дорогу, раскрыл его, а оттуда выскочили молодцы с дубинками и давай его бить! Больно побили и спрятались в кузов. „Ну,— думает мужик,— брошу я этот кузовок“. Да не тут-то было. Оглянулся назад, а он опять у него за плечами. Нечего делать — принес домой. Польстился

Виктор Корольков. Доля и Недоля

на золотой кузовок старший брат, пришел меняться... Долго помнил он потом этот обмен...»

Первый кузовок, лубяной, соответствует в сказке скатерти-самобранке, второй, золотой, — кнуту-самобою, а в мифологии это метафоры дождевой тучи, которая поит и насыщает Мать-Сыру-Землю, и Перуновой палицы — молнии.

Змей Горыныч

Змей Горыныч — многоголовый огнедышащий дракон, представитель злого начала в русских народных сказках и былинах. В иноязычных сказаниях встречается как змок, смок или цмок.

Многоголовость змея — неперемнная его черта. В разных сказках количество голов змея различается: их бывает 3, 5, 6, 7, 9, 12. Чаще всего змей предстает трехглавым.

В большинстве случаев у змея отмечается способность к полету, но о крыльях его, как правило, ничего не говорится. Так, во всем афанасьевском сборнике русских народных сказок лишь один раз сообщается об «огненных крыльях» (сказка «Фролка-сидень»).

Тело змея в сказках не описывается, однако на лубочных картинках, изображающих змея, излюбленными деталями являются длинный хвост стрелой и когтистые лапы.

Еще одной важной особенностью змея является его огневая природа, однако, как именно извергается огонь, сказки не описывают. Огонь змей носит в себе и извергает его в случае нападения.

Кроме огненной стихии, змей связан и со стихией водной, и две эти стихии не исключают друг друга. В некоторых сказках он живет в воде, спит на камне в море. В то же время змей — еще и Змей

*Виктор Васнецов.
Бой Ивана-Царевича со Змеем*

Горыныч. Слово «Горыныч», вероятно, происходит от слова «горы», так как Змей Горыныч живет часто в горах и пещерах. Впрочем, такое местопребывание не мешает ему быть морским чудовищем. В некоторых сказках он живет в горах, но когда герой к нему приближается, он выходит из воды.

Змей Горыныч похитил Забаву Путятишну — племянницу киевского князя, а Добрыня Никитич ее освободил.

*Виктор Васнецов.
Бой Добрыни Никитича с семи-
главым Змеем Горынычем*

Ичетик

Ичетик — злой дух из рода водяных.

Так же как и водяной, ичетик живет в реках и других водоемах. По своим функциям он является помощником водяного

(у водяного много помощников и кроме него — например, русалки и шишиги).

Всю мелкую работу выполняет ичетик — берега подмывает, мостики разрушает, посевы заливает. Обликом он похож на водяного, только ростиком не вышел.

Как и вся нежить, любит играть в карты, пить бражку. Спит с Никиты осеннего до Никиты вешнего.

Кикимора

Кикимора (шишимора, суседка, мара) — один из видов домового. Этот персонаж восточнославянской мифологии — проявление злого духа Мары — Кики-Мара.

Мара — это общеиндоевропейское имя ночного демона, насылающего наваждения и страшные сны (отсюда «кош-мар»). В европейских легендах Мара садится на грудь спящего, вызывая удушье.

Кикимора — злой дух в облике карлика или маленькой женщины, голова у которого с наперсток и тело тонкое, как соломинка. Кикимора живет в доме за печью и занимается прядением и тканьем, а также проказит по ночам с веретеном и прялкой хозяев дома (например, рвет пряжу).

Иван Билибин.
Кикимора

Кикимора может вредить домашним животным, в частности, курам, бросает и бьет посуду, мешает спать, шумит по ночам.

Избавиться от кикиморы чрезвычайно трудно. Оберегом от нее служил «куриный бог» — камень с естественным отверстием или горлышко разбитого кувшина с лоскутом кумача, которое вешали над насестом, чтобы кикимора не мучила кур, а также можжевельник, пояском из которого обвязывали солонки.

Считалось, что кикиморами становятся младенцы, умершие некрещеными.

Также крестьяне верили, что кикимору могли «напустить» при строительстве дома плотники или печники, желающие по какой-либо причине навредить хозяевам. Для этого мастера делали из щепок и тряпок куклу (фигурку «кикиморы») и закладывали ее под матицу или в переднем углу дома.

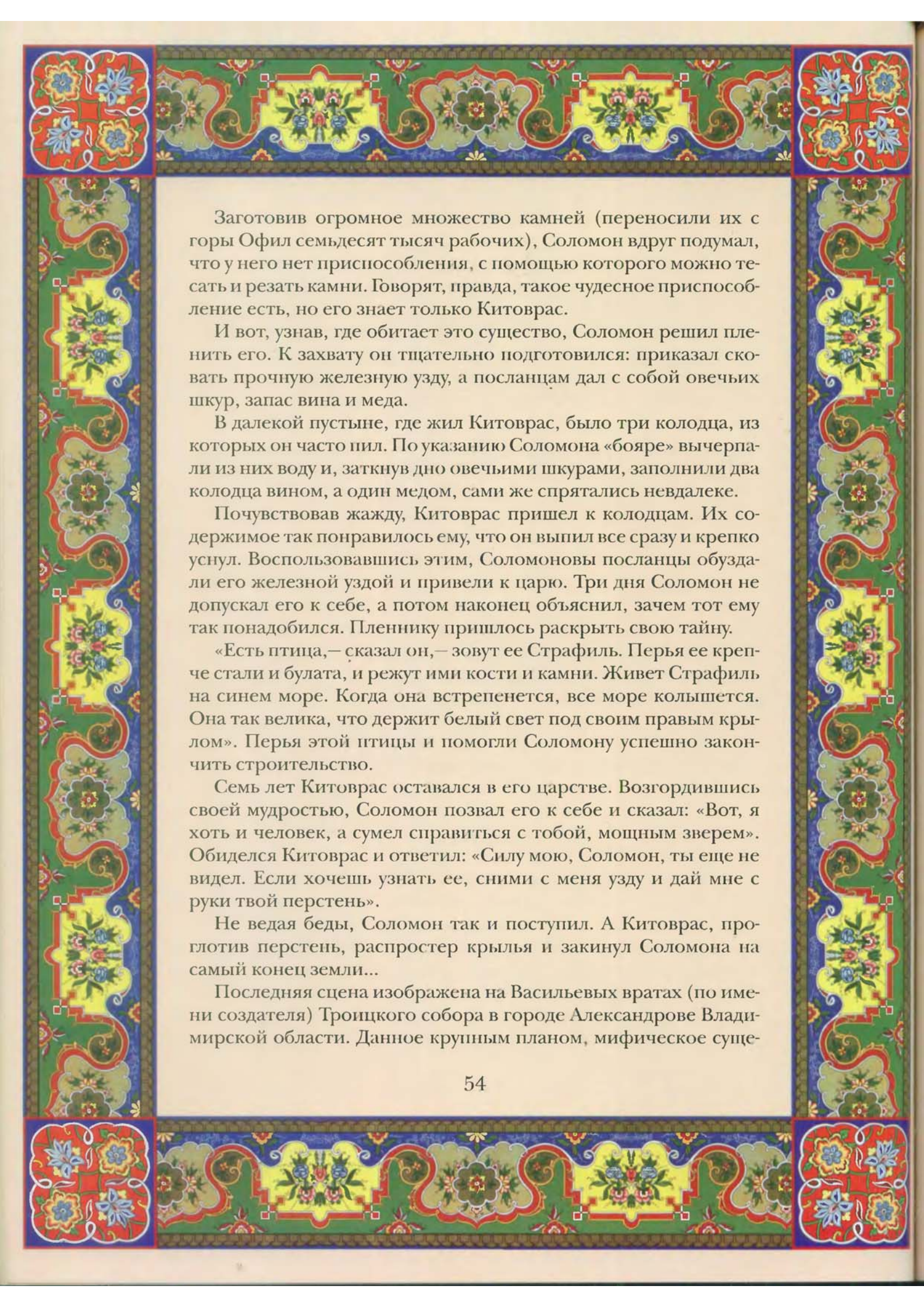
Также считалось, что кикимора — это жертва аборта женщины (нерожденный ребенок); сколько абортов сделала женщина, столько кикимор она породила, в момент смерти женщины все ее кикиморы приходят к ней, чтобы увлечь ее душу в адские миры.

Присутствие кикиморы в доме можно было легко определить по мокрым следам.

Есть еще кикимора болотная (лесная), жена лешего (лешачиха), которая живет в лесу или болоте (кикимора болотная, кикимора лесная). Описывается в образе маленькой сторбленной безобразной старухи, одетой в лохмотья, неряшливой и чудаковатой. Обвинялась в похищении детей, вместо которых оставляла зачарованное полешко. Афанасьев в своем труде «Поэтические воззрения славян на природу» приводит также сведения о лешачихах: «Народное воображение наделяет их такими огромными и длинными грудями, что они вынуждены закидывать их за плечи и только тогда могут свободно ходить и бегать». А сидящий на спине бесенок, который сосет грудь, скрыт и согриваем длинными волосами лешачихи. Эти женщины обросшие, косматые, имеют волосы спутанные.

Китоврас

В одном апокрифе повествуется о Китоврасе — мифологическом существе, получеловеке-полуконе. Центральная фигура этого сказания — царь Соломон, прославившийся своей мудростью. Вообще в разных сказаниях о Соломоне Китоврас выступает то как его брат и сподвижник, то как враг и соперник. Одно из апокрифических сказаний «Палеи» XV в. знакомит нас с особо прославившим Соломона строительством Храма, в котором должен храниться «ковчег завета».

Заготовив огромное множество камней (переносили их с горы Офил семьдесят тысяч рабочих), Соломон вдруг подумал, что у него нет приспособления, с помощью которого можно тесать и резать камни. Говорят, правда, такое чудесное приспособление есть, но его знает только Китоврас.

И вот, узнав, где обитает это существо, Соломон решил пленить его. К захвату он тщательно подготовился: приказал сковать прочную железную узду, а посланцам дал с собой овечьих шкур, запас вина и меда.

В далекой пустыне, где жил Китоврас, было три колодца, из которых он часто пил. По указанию Соломона «бояре» вычерпали из них воду и, заткнув дно овечьими шкурами, заполнили два колодца вином, а один медом, сами же спрятались невдалеке.

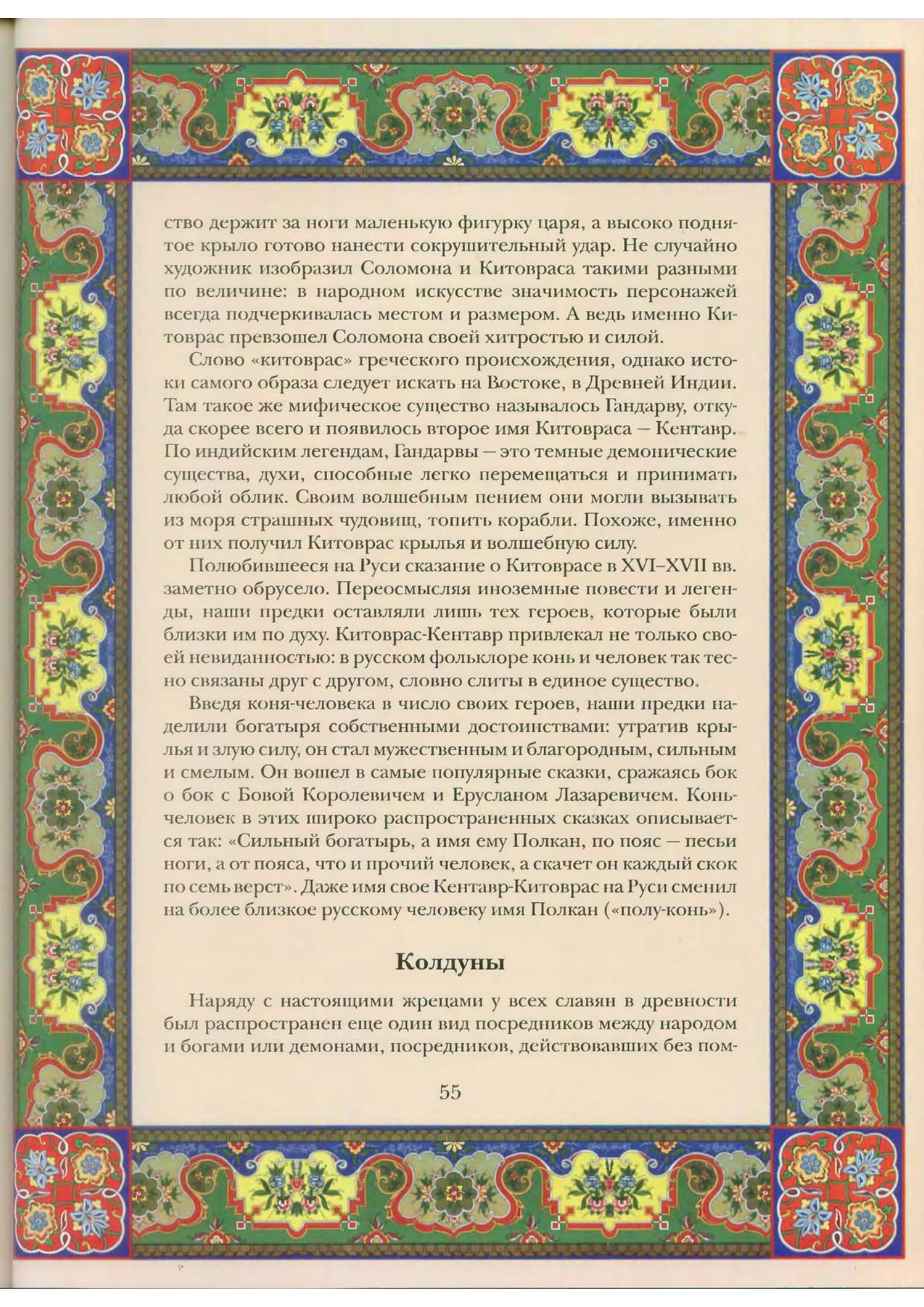
Почувствовав жажду, Китоврас пришел к колодцам. Их содержимое так понравилось ему, что он выпил все сразу и крепко уснул. Воспользовавшись этим, Соломоновы посланцы обуздали его железной уздой и привели к царю. Три дня Соломон не допускал его к себе, а потом наконец объяснил, зачем тот ему так понадобился. Пленнику пришлось раскрыть свою тайну.

«Есть птица, — сказал он, — зовут ее Страфиль. Перья ее крепче стали и булата, и режут ими кости и камни. Живет Страфиль на синем море. Когда она встрепетается, все море колыхнется. Она так велика, что держит белый свет под своим правым крылом». Перья этой птицы и помогли Соломону успешно закончить строительство.

Семь лет Китоврас оставался в его царстве. Возгордившись своей мудростью, Соломон позвал его к себе и сказал: «Вот, я хоть и человек, а сумел справиться с тобой, мощным зверем». Обиделся Китоврас и ответил: «Силу мою, Соломон, ты еще не видел. Если хочешь узнать ее, сними с меня узду и дай мне с руки твой перстень».

Не ведая беды, Соломон так и поступил. А Китоврас, проглотив перстень, распростер крылья и закинул Соломона на самый конец земли...

Последняя сцена изображена на Васильевых вратах (по имени создателя) Троицкого собора в городе Александрове Владимирской области. Данное крупным планом, мифическое суще-

ство держит за ноги маленькую фигурку царя, а высоко поднятое крыло готово нанести сокрушительный удар. Не случайно художник изобразил Соломона и Китовраса такими разными по величине: в народном искусстве значимость персонажей всегда подчеркивалась местом и размером. А ведь именно Китоврас превзошел Соломона своей хитростью и силой.

Слово «китоврас» греческого происхождения, однако истоки самого образа следует искать на Востоке, в Древней Индии. Там такое же мифическое существо называлось Гандарву, откуда скорее всего и появилось второе имя Китовраса — Кентавр. По индийским легендам, Гандарвы — это темные демонические существа, духи, способные легко перемещаться и принимать любой облик. Своим волшебным пением они могли вызывать из моря страшных чудовищ, топить корабли. Похоже, именно от них получил Китоврас крылья и волшебную силу.

Полюбившееся на Руси сказание о Китоврасе в XVI–XVII вв. заметно обрусело. Переосмысляя иноземные повести и легенды, наши предки оставляли лишь тех героев, которые были близки им по духу. Китоврас-Кентавр привлекал не только своей невиданностью: в русском фольклоре конь и человек так тесно связаны друг с другом, словно слиты в единое существо.

Введя коня-человека в число своих героев, наши предки наделили богатыря собственными достоинствами: утратив крылья и злую силу, он стал мужественным и благородным, сильным и смелым. Он вошел в самые популярные сказки, сражаясь бок о бок с Бовой Королевичем и Ерусланом Лазаревичем. Конь-человек в этих широко распространенных сказках описывается так: «Сильный богатырь, а имя ему Полкан, по пояс — песьи ноги, а от пояса, что и прочий человек, а скачет он каждый скок по семь верст». Даже имя свое Кентавр-Китоврас на Руси сменил на более близкое русскому человеку имя Полкан («полу-конь»).

Колдуны

Наряду с настоящими жрецами у всех славян в древности был распространен еще один вид посредников между народом и богами или демонами, посредников, действовавших без пом-

Михаил Врубель.
Колдун

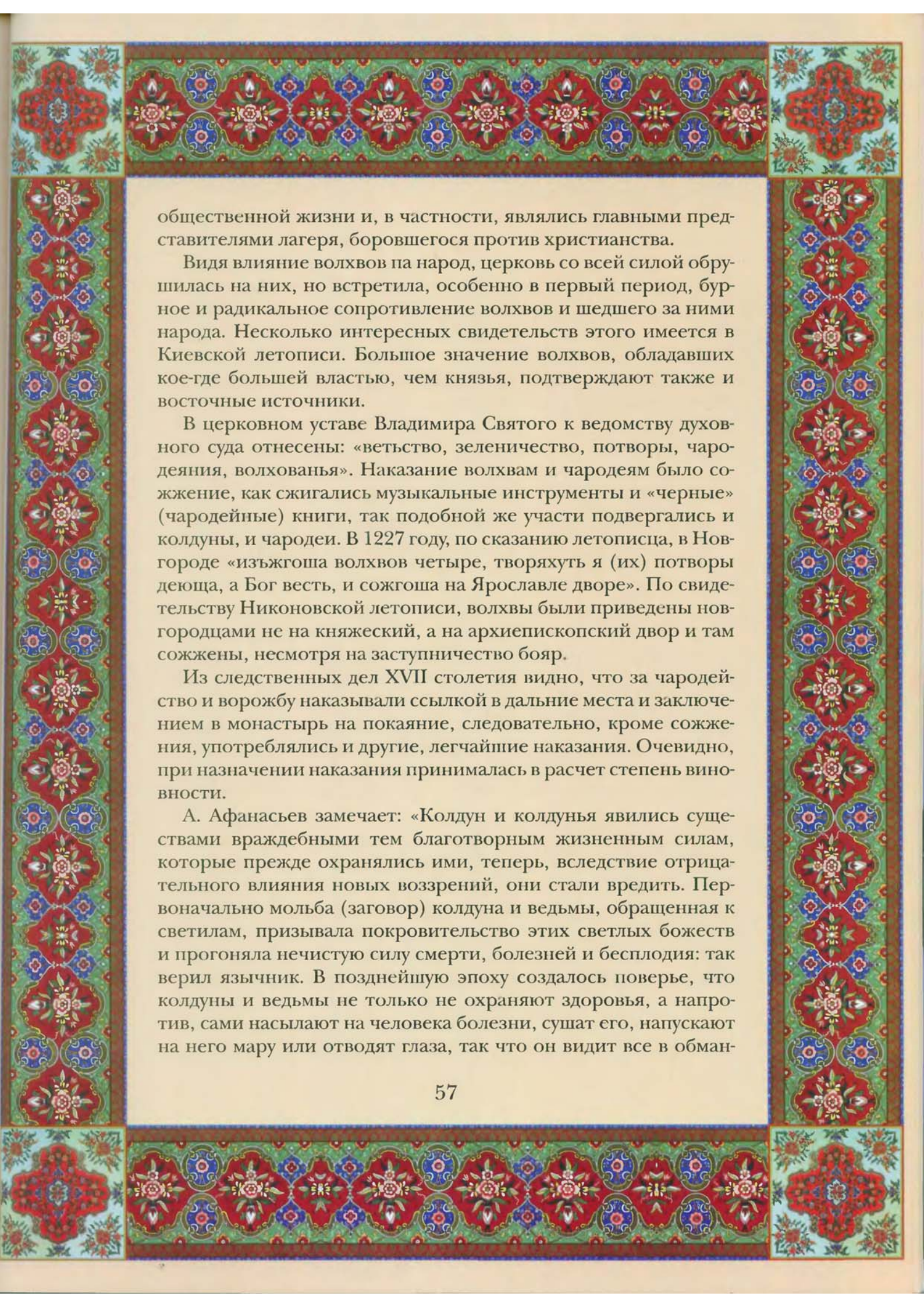
пы, без храмов и жертвоприношений, но которые тем не менее оказывали значительное влияние на верования народа и на жизненно важные решения как отдельных верующих, так и целых семей и даже больших поселений. Это были колдуны (маги), обычно называвшиеся у древних славян волхвами.

Помимо этого, колдунов называли по-разному, в зависимости от вида магии, которым они занимались: чародей, ведун, вещий, гадач, баялышк, обасник, сорожец, врач, кудесник, наузник, кобник, кузедлик и т. п. (те же названия имелись, разумеется, и в женском роде).

Вера в магию, то есть в силу, которая может заставить духа выполнять волю человека, появляется уже на самой низкой ступени культуры, когда едва ли можно говорить о какой-либо системе религиозных воззрений.

Для того чтобы удержаться, магия использует самые различные сверхъестественные, магические средства, многие из которых засвидетельствованы у славян в языческий период. Основной свой удар христианская церковь направляла против этой языческой магии, так как языческих богов она уничтожила сразу: разбила идолов и разрушила языческие святилища. Маги же и магия остались, и церковь вела с ними упорную борьбу. Но даже и теперь в глухих областях сохранилось много обычаев и поверий, связанных с колдовством и магией, носящих иногда чисто языческий, примитивный характер.

Различные колдуны древних времен упоминаются в древнейших польских и чешских хрониках, а также у древних болгар. Однако наибольшее количество интереснейших сообщений мы имеем по Древней Руси. В русских летописях, относящихся к X–XII векам, колдуны — волхвы — упоминаются очень часто, и мы имеем возможность более глубоко познакомиться с их значением и деятельностью. На Руси волхвы играли видную роль в

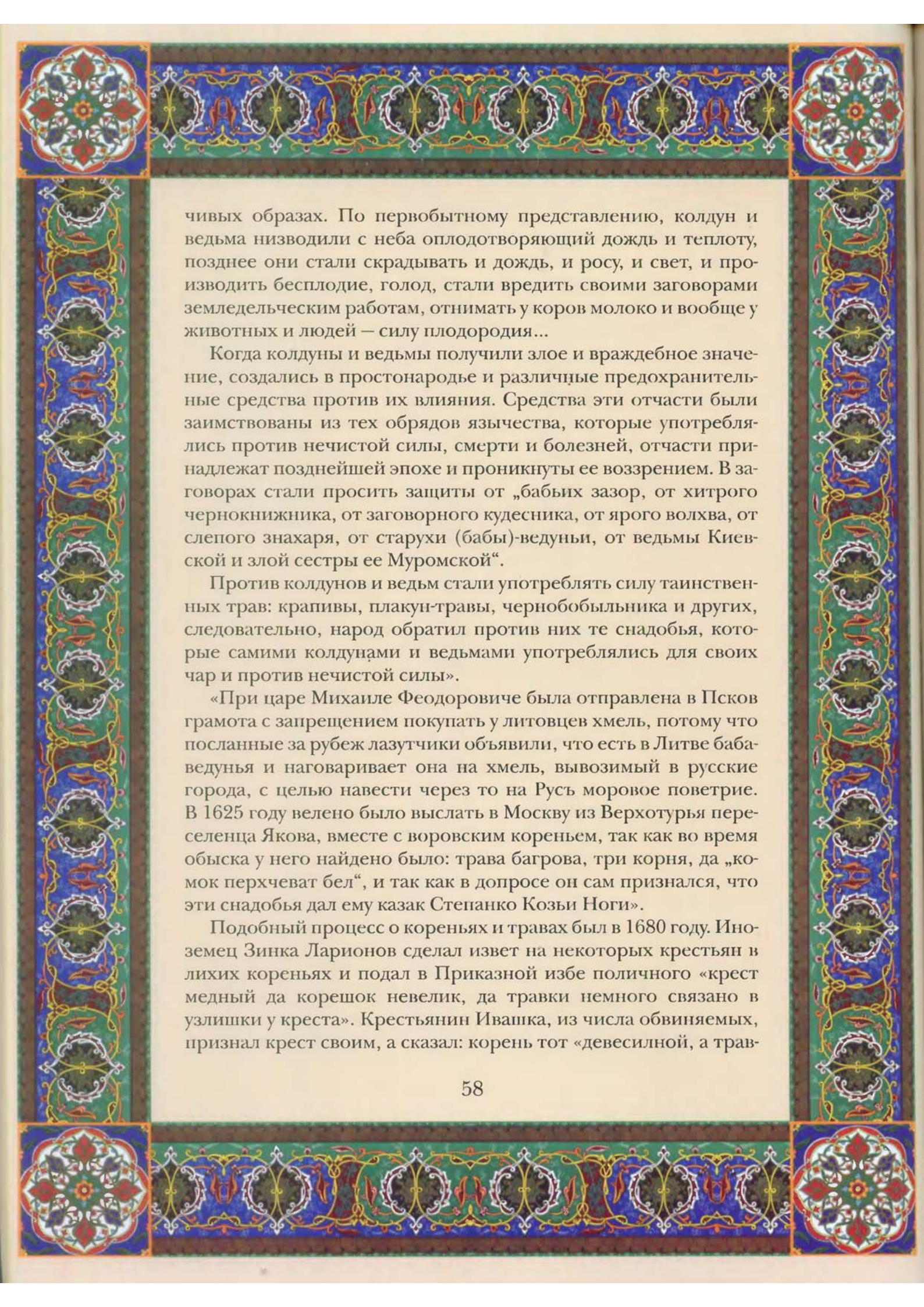
общественной жизни и, в частности, являлись главными представителями лагеря, боровшегося против христианства.

Видя влияние волхвов па народ, церковь со всей силой обрушилась на них, но встретила, особенно в первый период, бурное и радикальное сопротивление волхвов и шедшего за ними народа. Несколько интересных свидетельств этого имеется в Киевской летописи. Большое значение волхвов, обладавших кое-где большей властью, чем князья, подтверждают также и восточные источники.

В церковном уставе Владимира Святого к ведомству духовного суда отнесены: «ветъство, зеленичество, потворы, чародеяния, волхованья». Наказание волхвам и чародеям было сожжение, как сжигались музыкальные инструменты и «черные» (чародейные) книги, так подобной же участи подвергались и колдуны, и чародеи. В 1227 году, по сказанию летописца, в Новгороде «изъжгоша волхвов четыре, творяхуть я (их) потворы деюща, а Бог весть, и сожгоша на Ярославле дворе». По свидетельству Никоновской летописи, волхвы были приведены новгородцами не на княжеский, а на архиепископский двор и там сожжены, несмотря на заступничество бояр.

Из следственных дел XVII столетия видно, что за чародейство и ворожбу наказывали ссылкой в дальние места и заключением в монастырь на покаяние, следовательно, кроме сожжения, употреблялись и другие, легчайшие наказания. Очевидно, при назначении наказания принималась в расчет степень виновности.

А. Афанасьев замечает: «Колдун и колдунья явились существами враждебными тем благотворным жизненным силам, которые прежде охранялись ими, теперь, вследствие отрицательного влияния новых воззрений, они стали вредить. Первоначально мольба (заговор) колдуна и ведьмы, обращенная к светилам, призывала покровительство этих светлых божеств и прогоняла нечистую силу смерти, болезней и бесплодия: так верил язычник. В позднейшую эпоху создалось поверье, что колдуны и ведьмы не только не охраняют здоровья, а напротив, сами насылают на человека болезни, сушат его, напускают на него мару или отводят глаза, так что он видит все в обман-

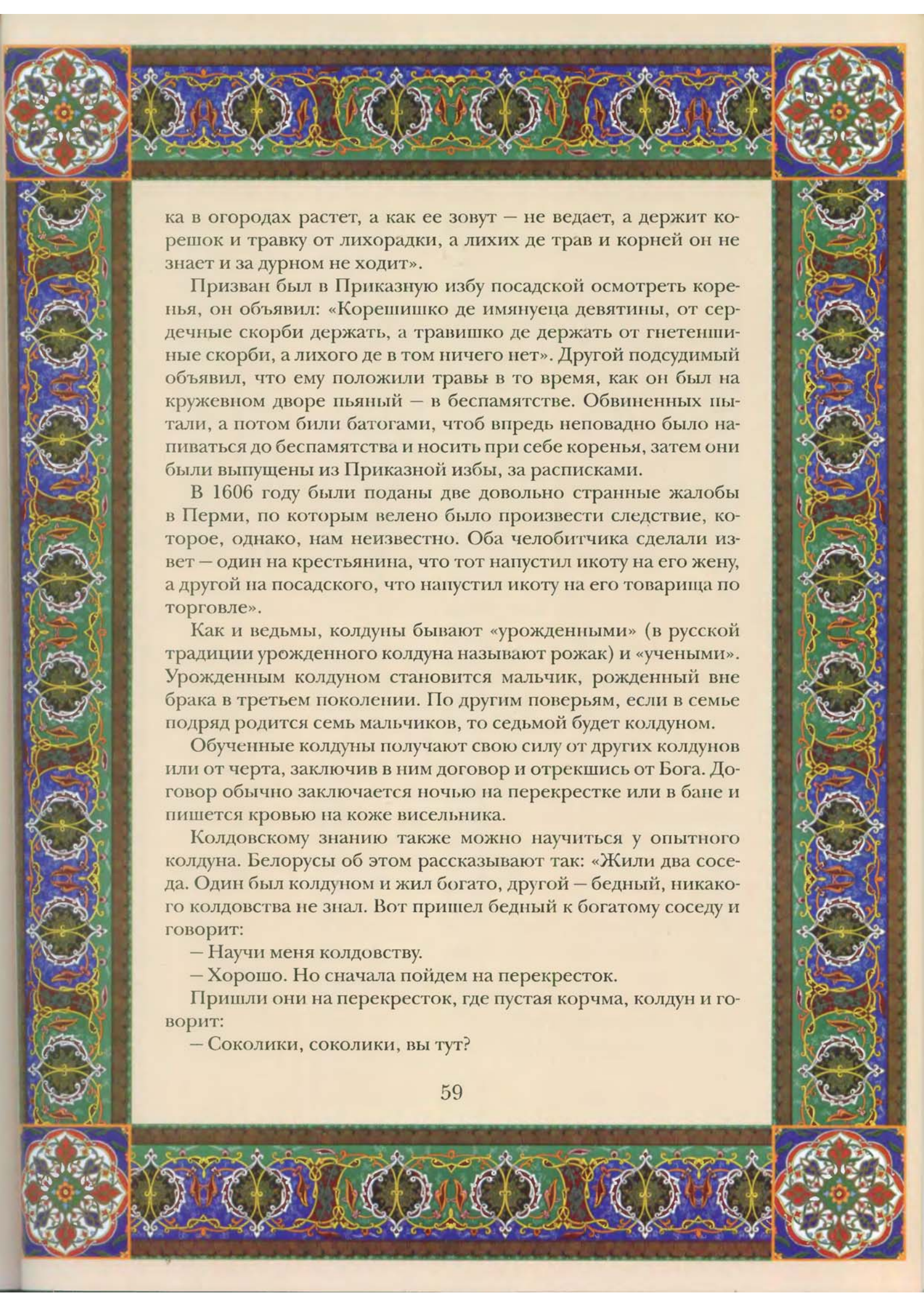
чивых образах. По первобытному представлению, колдун и ведьма низводили с неба оплодотворяющий дождь и теплоту, позднее они стали скрадывать и дождь, и росу, и свет, и производить бесплодие, голод, стали вредить своими заговорами земледельческим работам, отнимать у коров молоко и вообще у животных и людей — силу плодородия...

Когда колдуны и ведьмы получили злое и враждебное значение, создались в простонародье и различные предохранительные средства против их влияния. Средства эти отчасти были заимствованы из тех обрядов язычества, которые употреблялись против нечистой силы, смерти и болезней, отчасти принадлежат позднейшей эпохе и проникнуты ее воззрением. В заговорах стали просить защиты от „бабьих зазор, от хитрого чернокнижника, от заговорного кудесника, от ярого волхва, от слепого знахаря, от старухи (бабы)-ведуныи, от ведьмы Киевской и злой сестры ее Муромской“.

Против колдунов и ведьм стали употреблять силу таинственных трав: крапивы, плакун-травы, чернобобыльника и других, следовательно, народ обратил против них те снадобья, которые самими колдунами и ведьмами употреблялись для своих чар и против нечистой силы».

«При царе Михаиле Феодоровиче была отправлена в Псков грамота с запрещением покупать у литовцев хмель, потому что посланные за рубеж лазутчики объявили, что есть в Литве баба-ведунья и наговаривает она на хмель, вывозимый в русские города, с целью навести через то на Русь моровое поветрие. В 1625 году велено было выслать в Москву из Верхотурья переселенца Якова, вместе с воровским корнем, так как во время обыска у него найдено было: трава багрова, три корня, да „комоч перхчеват бел“, и так как в допросе он сам признался, что эти снадобья дал ему казак Степанко Козьи Ноги».

Подобный процесс о корнях и травах был в 1680 году. Иноземец Зинка Ларионов сделал извет на некоторых крестьян в лихих корнях и подал в Приказной избе поличного «крест медный да корешок невелик, да травки немного связано в узлишки у креста». Крестьянин Ивашка, из числа обвиняемых, признал крест своим, а сказал: корень тот «девесилной, а трав-

ка в огородах растет, а как ее зовут — не ведает, а держит корешок и травку от лихорадки, а лихих де трав и корней он не знает и за дурном не ходит».

Призван был в Приказную избу посадской осмотреть коренья, он объявил: «Корешиншко де имянуеца девятины, от сердечные скорби держать, а травишко де держать от гнетеншиные скорби, а лихого де в том ничего нет». Другой подсудимый объявил, что ему положили травы в то время, как он был на кружевном дворе пьяный — в беспамятстве. Обвиненных пытали, а потом били батогами, чтоб впредь неповадно было напиваться до беспамятства и носить при себе коренья, затем они были выпущены из Приказной избы, за расписками.

В 1606 году были поданы две довольно странные жалобы в Перми, по которым велено было произвести следствие, которое, однако, нам неизвестно. Оба челобитчика сделали извет — один на крестьянина, что тот напустил икоту на его жену, а другой на посадского, что напустил икоту на его товарища по торговле».

Как и ведьмы, колдуны бывают «урожденными» (в русской традиции урожденного колдуна называют рожак) и «учеными». Урожденным колдуном становится мальчик, рожденный вне брака в третьем поколении. По другим поверьям, если в семье подряд родится семь мальчиков, то седьмой будет колдуном.

Обученные колдуны получают свою силу от других колдунов или от черта, заключив в ним договор и отрекшись от Бога. Договор обычно заключается ночью на перекрестке или в бане и пишется кровью на коже висельника.

Колдовскому знанию также можно научиться у опытного колдуна. Белорусы об этом рассказывают так: «Жили два соседа. Один был колдуном и жил богато, другой — бедный, никакого колдовства не знал. Вот пришел бедный к богатому соседу и говорит:

- Научи меня колдовству.
- Хорошо. Но сначала пойдем на перекресток.

Пришли они на перекресток, где пустая корчма, колдун и говорит:

- Соколики, соколики, вы тут?

Вошли в корчму, а черти, которых колдун назвал «соколиками», говорят:

— Мы тут.

Колдун говорит:

— Надо этого человека колдовству научить.

А черти отвечают:

— Пусть он сначала образок с груди снимет.

Понял бедняк, что нечистым путем добыл колдун свое богатство, и убежал».

Без колдуна не обходилась ни одна свадьба. Его приглашали, во-первых, из-за боязни, как бы он не навредил молодым, а во-вторых, в надежде, что он защитит свадьбу от других колдунов.

Колдун, обиженный за то, что его не позвали дружкой, мог испортить свадьбу: остановить свадебный поезд, наслать на молодую кликушество, лишить молодого мужской силы или обернуть свадьбу волками, мог «подшутить»: поссорить жениха и невесту, разогнать гостей, выпрячь коней из свадебного поезда и разогнать их в разные стороны.

Многие былички рассказывают о соперничестве двух колдунов на свадьбе. С целью испортить свадьбу в дом является пришлый, чужой колдун. Пришлый колдун куражится, считая, что никто не сможет ему перечить. И тут колдун, охраняющий молодых, на деле показывает, что он сильнее пришлого, и заставляет того признать свое поражение. Например, сильный колдун может продержать своего соперника неподвижным в течение всего свадебного обеда, заставить стоять на коленях, на одной ноге, без конца подметать пол, при всех снять штаны.

«Вот, говорят, двух колдунов на свадьбу пригласили, а они между собой поссорились. Один знает много, другой говорит:

— Я больше.

Один другому говорит:

— Я сейчас устрою над тобой. Ну-ка рюмочку выпей.

— Давай.

Тот не трус, не боится. Выпил — все зубы до единого выпали. Он их положил на стол.

— Ну, — говорит, — теперь ты от меня выпей.

Василий Максимов. Приход колдуна на крестьянскую свадьбу

Тот рюмку только выпил, как раз его к окну и к потолку ногами подвесило. Подвесило к потолку ногами, вот он лягается и кричит:

— Мне тяжело, сними меня, я не могу больше.

А тот говорит:

— Наперво зубы вставь, а потом сниму я тебя.

Тот, подвешенный к потолку, говорит:

— Наливайте рюмку.

Рюмку ему наверх подали, наговорил он какие-то слова и говорит:

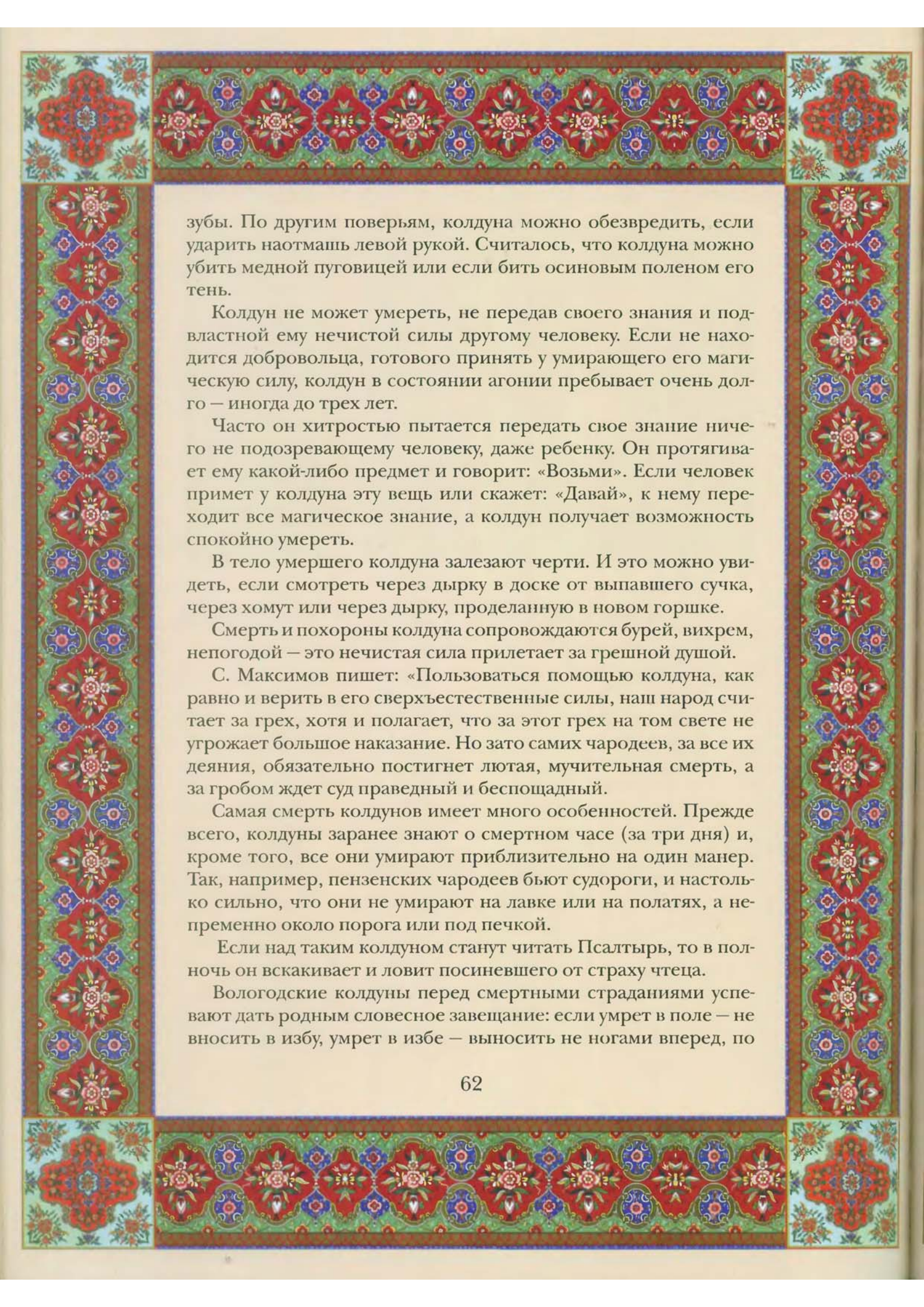
— На, пей. Положи туда зубы и пей.

Зубы встали на место. Другой говорит:

— Сейчас я тебя сниму.

Тоже рюмку подали, и он очутился за столом».

При встрече с колдуном нельзя смотреть ему в глаза, а нужно сложить кукиш. Охраняют от колдуна и специальные заговоры, а также трава-одолень. Лишить колдуна магической силы можно, если бить его до крови, или сбрить ему бороду, или выбить

зубы. По другим поверьям, колдуна можно обезвредить, если ударить наотмашь левой рукой. Считалось, что колдуна можно убить медной пуговицей или если бить осиновым поленом его тень.

Колдун не может умереть, не передав своего знания и подвластной ему нечистой силы другому человеку. Если не находится добровольца, готового принять у умирающего его магическую силу, колдун в состоянии агонии пребывает очень долго — иногда до трех лет.

Часто он хитростью пытается передать свое знание ничего не подозревающему человеку, даже ребенку. Он протягивает ему какой-либо предмет и говорит: «Возьми». Если человек примет у колдуна эту вещь или скажет: «Давай», к нему переходит все магическое знание, а колдун получает возможность спокойно умереть.

В тело умершего колдуна залезают черти. И это можно увидеть, если посмотреть через дырку в доске от выпавшего сучка, через хомут или через дырку, проделанную в новом горшке.

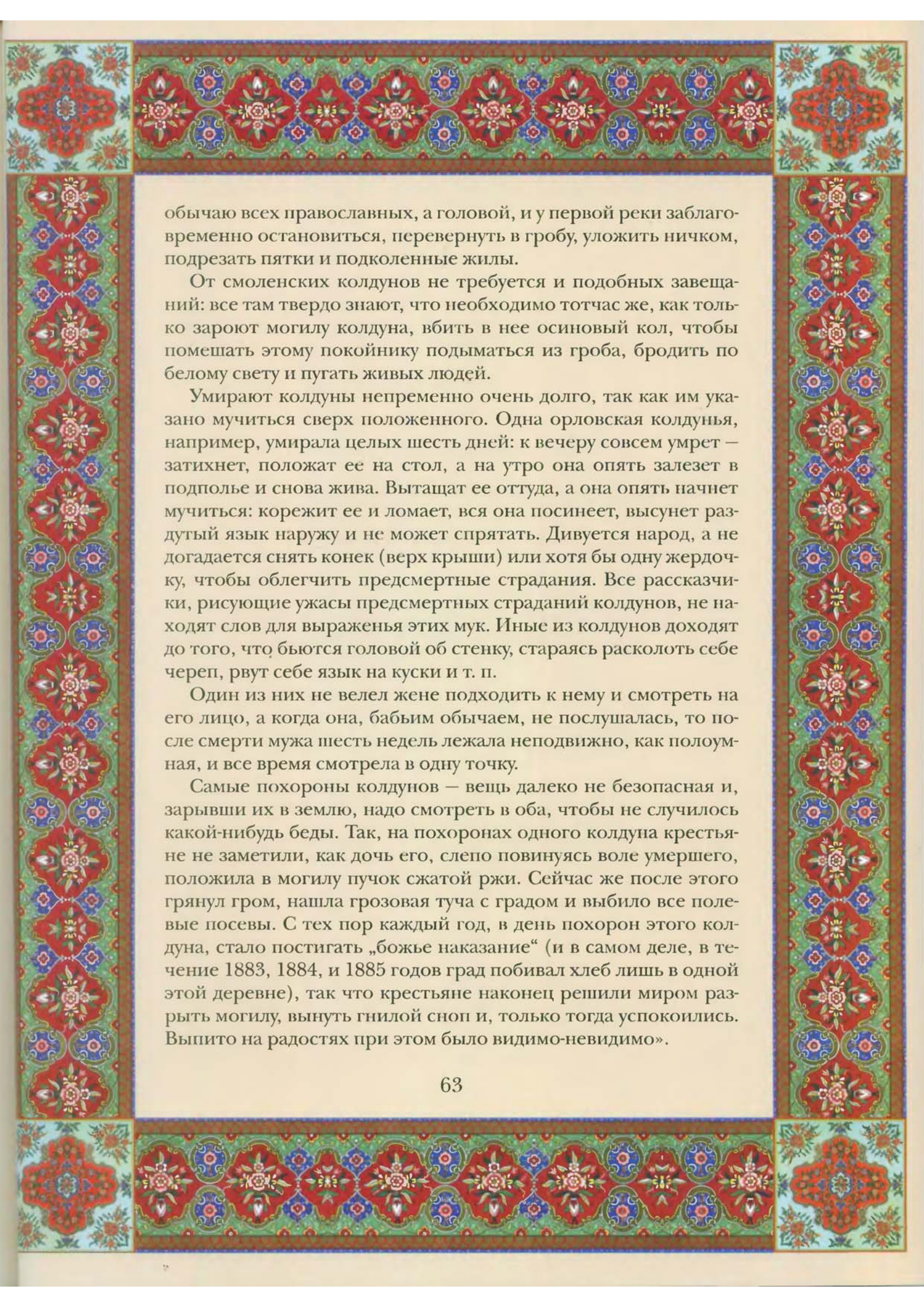
Смерть и похороны колдуна сопровождаются бурей, вихрем, непогодой — это нечистая сила прилетает за грешной душой.

С. Максимов пишет: «Пользоваться помощью колдуна, как равно и верить в его сверхъестественные силы, наш народ считает за грех, хотя и полагает, что за этот грех на том свете не угрожает большое наказание. Но зато самих чародеев, за все их деяния, обязательно постигнет лютая, мучительная смерть, а за гробом ждет суд праведный и беспощадный.

Самая смерть колдунов имеет много особенностей. Прежде всего, колдуны заранее знают о смертном часе (за три дня) и, кроме того, все они умирают приблизительно на один манер. Так, например, пензенских чародеев бьют судороги, и настолько сильно, что они не умирают на лавке или на полатях, а непременно около порога или под печкой.

Если над таким колдуном станут читать Псалтырь, то в полночь он вскакивает и ловит посиневшего от страха чтеца.

Вологодские колдуны перед смертными страданиями успевают дать родным словесное завещание: если умрет в поле — не вносить в избу, умрет в избе — выносить не ногами вперед, по

обычаю всех православных, а головой, и у первой реки заблаговременно остановиться, перевернуть в гробу, уложить ничком, подрезать пятки и подколенные жилы.

От смоленских колдунов не требуется и подобных завещаний: все там твердо знают, что необходимо тотчас же, как только зароят могилу колдуна, вбить в нее осиновый кол, чтобы помешать этому покойнику подыматься из гроба, бродить по белому свету и пугать живых людей.

Умирают колдуны непременно очень долго, так как им указано мучиться сверх положенного. Одна орловская колдунья, например, умирала целых шесть дней: к вечеру совсем умрет — затихнет, положат ее на стол, а на утро она опять залезет в подполье и снова жива. Вытащат ее оттуда, а она опять начнет мучиться: корежит ее и ломает, вся она посинеет, высунет раздутый язык наружу и не может спрятать. Дивуется народ, а не догадается снять конек (верх крыши) или хотя бы одну жердочку, чтобы облегчить предсмертные страдания. Все рассказчики, рисующие ужасы предсмертных страданий колдунов, не находят слов для выраженья этих мук. Иные из колдунов доходят до того, что бьются головой об стенку, стараясь расколоть себе череп, рвут себе язык на куски и т. п.

Один из них не велел жене подходить к нему и смотреть на его лицо, а когда она, бабьим обычаем, не послушалась, то после смерти мужа шесть недель лежала неподвижно, как полоумная, и все время смотрела в одну точку.

Самые похороны колдунов — вещь далеко не безопасная и, зарывши их в землю, надо смотреть в оба, чтобы не случилось какой-нибудь беды. Так, на похоронах одного колдуна крестьяне не заметили, как дочь его, слепо повинувшись воле умершего, положила в могилу пучок сжатой ржи. Сейчас же после этого грянул гром, нашла грозовая туча с градом и выбило все полевые посевы. С тех пор каждый год, в день похорон этого колдуна, стало постигать „божье наказание“ (и в самом деле, в течение 1883, 1884, и 1885 годов град побивал хлеб лишь в одной этой деревне), так что крестьяне наконец решили миром разрыть могилу, вынуть гнилой сноп и, только тогда успокоились. Выпито на радостях при этом было видимо-невидимо».

Научно-популярное издание

Для среднего школьного возраста

Артемов Владислав Владимирович

ДУХИ И СУЩЕСТВА ПОТУСТОРОННЕГО МИРА

Оформление переплета *А. А. Чаругина*

Ведущий редактор *В. К. Мирзоева*
Художественный редактор *Н. И. Терехов*
Технический редактор *Н. А. Ремизова*
Компьютерная верстка *О. О. Тарвид*
Корректор *Л. А. Пруткова*

Подписано в печать 20.09.2013.
Формат 84×108¹/₁₆. Гарнитура NewBaskervilleС. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 4,0. Тираж 50 000 экз.
Изд. № 13-11387. Заказ № к2217.

В соответствии с ФЗ-436 для детей старше 12 лет

ЗАО «ОЛМА Медиа Групп»
129085, г. Москва, Звездный б-р, дом 21, стр. 3, помещение I, комната 5
143421, Московская область, Красногорский район, 26-й км трассы «Балтия»,
бизнес-парк «Рига Лэнд», стр.3
www.olmamedia.ru

Отпечатано в Китае

Владислав АРТЕМОВ

Духи и существа потустороннего мира

Славянская мифология всеобъемлюща — это не религия или эпос, это образ жизни. Она находила воплощение и в быту — будь то обряды, ритуалы, культы или земледельческий календарь. И по сей день древние верования продолжают жить в образах, символике, ритуалах и в самом языке.

Из этой книги вы узнаете о том, почему демонология, изучающая низшие мифические существа, — едва ли не единственный раздел славянской мифологии, легкодоступный для изучения фольклористов. Познакомьтесь с выинками и бывальщинами — короткими рассказами о встречах с нечистой силой: Банником, Баечником, Баганом, Берегиней, Домовым, Лешим и другими, составляющими значительную часть славянского фольклора.

ISBN 978-5-373-05895-7

9 785373 058957

 ОЛМА
МЕДИА ГРУПП

www.olmamedia.ru

